

*Книжка про любовь и страсть
вот что вы получите
если вы купите эту книгу
и прочтете ее
и будете счастливы
и будете любить
и будете жить
и будете любить
и будете жить*

ОН НЕ ВЕРИТ
В ЛЮБОВЬ,
НО ОНА СТАЛА
ЕГО ОДЕРЖИМОСТЬЮ

Границы КРОВИ *и* ЛЮБВИ

УЛЬЯНА КРО

Ульяна Кро

Границы крови и любви

<https://litres.ru/74091013>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лия Риверс. Она была лучшей. Виртуоз владения оружием, она никогда не знала поражений, всегда добиваясь цели, всегда забирая свой гонорар.

Очередное задание казалось привычным: устранить человека, стереть его из реальности, чтобы заработать. Но в этот раз что-то пошло не так. Впервые судьба сыграла против неё, и охотница оказалась на краю гибели.

Побеждённая, но не уничтоженная, Лия приходит в себя в плену у того, кого должна была убить. Но вместо холодной мести или окончательного приговора её враг предлагает... Исцеление. Заботу.

Что скрывается за этой необъяснимой милостью? Кто этот человек, способный сломить самую смертоносную машину и отказаться от возмездия? И сможет ли Лия Риверс, чья жизнь была отдана клинку и пуле, выжить в мире, где её единственным оружием остаётся его неожиданная забота? Когда границы между врагом и спасителем стираются, а любовь и ненависть становятся двумя сторонами одной, смертельно опасной монеты.

Содержание

Глава 4	21
Глава 5	32
Глава 8	56
Глава 9	73
Глава 12	137
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Ульяна Кро

Границы крови и любви

Ульяна Кро

Глава 1

Та самая мафия. Начало.

Мой кабинет я обожала больше всего. С высоты двадцатого этажа я видела город, раскинувшийся подо мной, словно карта, разрисованная моими планами. Не те скучные карты с границами улиц, нет. Мои карты были полны красных точек, стрелок, обозначающих пути отхода, и заштрихованных зон, куда ступала нога моих людей. На стенах висели не картины, а фотопортреты целей – застывшие мгновения чужих жизней, которые я либо спасала от гибели (за внушительную плату, разумеется), либо... убирала. Рядом – схемы зданий, чертежи охранных систем, распечатки переписки, которые я с такой тщательностью добывала. Мой стол – не место для бумажной волокиты, а рабочий инструмент. Острые, словно лезвия, досье, пустые гильзы, которые я коллекционировала как сувениры. Я можно сказать консьежеры. В свои двадцать два я прошла путь, который другим не осилить и за три жизни. Я не искала легких путей, я их прокладывала. Меня не ставили на должности, я их брала. Управление – это было мое. Здесь мои правила, здесь мои законы.

Я умела драться. Ни элегантно, ни грациозно. Я дралась как зверь, загнанный в угол, но с безупречной техникой. Каждый удар, каждый блок, каждый поворот корпуса был просчитан. Я чувствовала тело противника, предвосхищала его движения, находила мельчайшие бреши в его обороне. Мои противники часто недооценивали меня. Ошибались. Глупо.

Меня посылали. Не в том смысле, имеется виду на задания. Я никогда не просилась. Мне говорили – я делала. И делала так, что потом даже самые опытные оперативники других фирм мной восхищались, а те, кто был целью, предпочитали забыть о моем существовании. Скоро я должна была стать начальником управления. Я всегда старалась выполнять все безошибочно. Ну или не совсем всегда?.. Все же, каждому человеку свойственно ошибаться.

Я смотрела на очередной отчет, и уже чуть ли не засыпала за столом. Последнее время я не высыпалась. Меня донимали ночью то кошмары, то тревога. Но моё сонное состояние потревожил звук. Звонок раздался внезапно. На экране телефона высветилось имя: «Кольцова Дарья Александровна». Мой генеральный директор, человек, который знал меня прекрасно.

— Риверс, — её голос был ровным, лишенным всяких эмоций. Как всегда. — Мне нужно, чтобы ты зашла ко мне. Немедленно.

Я отложила в сторону распечатку с новыми данными по одному из моих текущих проектов, над которыми довольно долгое время раздумываю.

— Проблемы, Дарья? — спросила я, не вставая со своего места. — Или ты решила поделиться впечатлениями с последней твоей встречи в Москве?

На том конце провода последовала короткая пауза. Дарья Александровна не любила мои колкости, но и не наказывала за них.

— Обязательно. Вроде умная, а манер нет. — она недовольно цыкнула. — Есть новое задание, Лия. Очень... деликатное. И только ты справишься.

Я усмехнулась. Деликатное. Как будто в нашем деле бывает что-то нежное.

— Встретимся в моем кабинете. Через десять минут, — сказала Кольцова и сбросила вызов.

Я прошла через лабиринт коридоров, где люди, занятые своими делами – кто-то заполнял документы, кто-то изучал чертежи, кто-то ругался по телефону – кивали мне с уважением, смешанным с опаской. Это я ненавидела больше всего. Совсем скоро мне должны дать новую должность. Тогда я всех поставлю на свое место.

Кабинет начальницы был полной противоположностью моего. Светлый, просторный, с панорамными окнами, выходящими на другую сторону города. Минималистичная мебель, никаких карт, никаких следов деятельности. Только

два кресла напротив массивного стола из белого дерева. Кольцова уже ожидала меня, ее лицо было непроницаемо.

— Присаживайся, — кивнула она на одно из кресел.

Я села, положив руки на подлокотники. Ожидание. Самое неприятное.

Кольцова наконец подняла взгляд и медленно, словно нехотя, пододвинула по столу глянцевую фотографию.

Я взяла снимок. С фото на меня смотрел парень, который казался случайным гостем в этом жестоком мире. Светлые, будто выгоревшие на солнце волосы, пронзительно голубые глаза. Он улыбался. Спортивное телосложение угадывалось даже под простой рубашкой.

— Его нужно убрать, — коротко бросила Кольцова, наблюдая за реакцией своей лучшей исполнительницы. — Быстро. Чисто. Без лишних вопросов.

Я перевела взгляд с фото на Директора. Внутри меня не шелохнулось ни сострадание, ни сомнение. Только профессиональный азарт. Парень выглядел слишком... легко. Почти как игра.

— Слишком красив для этого мира, не так ли? — я небрежно подбросила снимок на ладони. — Когда я получу полный адрес?

— Как только его след проявится на наших радарах, — Кольцова чуть прищурилась. — Он умеет исчезать, когда это нужно, но мои люди работают. Его координаты придут тебе на телефон.

Я усмехнулась, пряча фотографию в карман пиджака.

— Вы же знаете, Дарья Александровна, для меня это будет не сложнее, чем утренняя пробежка. Зачем такая секретность? Любой из ваших новичков справился бы с этим «золотым мальчиком».

Директор медленно встала, опершись сухими ладонями о стол. В её взгляде мелькнуло нечто, похожее на предостережение.

— Ошибаешься, Лия. Только ты сможешь это сделать. У него есть... особенность. Иди. И жди сигнала.

Я лишь кивнула, развернулась на каблуках и вышла, не прощаясь. И в моей голове уже зрел план. Я не просто уберу его. Я сделаю это красиво.

Глава 2

Цена самоуверенности.

Запах кофе в привокзальном кафе был таким ароматным, что я просто зависла над ним, чуя ароматы зерен. Я сидела за столиком, где солнечный луч, пробиваясь сквозь пыльное стекло, рисовал на моей руке золотистую полосу. Горячий кофе с карамелью казался единственным, что могло удержать меня на грани реальности, не давая погрузиться в свой мир. Сообщение от Дарьи Александровны пришло, как всегда, без предупреждения, но с четким указанием: *«СВЕДЕНИЯ ПО ЦЕЛИ. ПОЛУЧЕНО»*

Адрес. Склад на окраине. Старая текстильная фабрика.

Место, идеально подходящее для того, чтобы в тишине и темноте совершить то, что должно быть совершено.

Когда я приехала туда, склад встретил меня почти абсолютной темнотой, пронизанной лишь редкими, бледными лучами света, пробивающимися сквозь мутные окна. Я двигалась, как призрак, ступая по бетонному полу так тихо, что мои шаги казались неотличимыми от шороха собственной одежды. Каждый нерв был натянут, каждый мускул готов к действию. Я чувствовала его. Не видела, но чувствовала. Сильное, напряженное присутствие, как перед бурей.

— Здесь кто-нибудь есть? — мой голос, усиленный эхом, разнесся по пустому пространству. — Я знаю, что ты здесь. Не усложняй. Выходи.

Тишина. Долгая, гнетущая тишина. Казалось, даже время здесь остановилось. Я держала пистолет наготове, пальцы обхватывали рукоять с привычной уверенностью.

В темноте появилась фигура, которая подходила все ближе и ближе. Он вышел на свет. Я увидела лицо парня. Именно его я видела на фото. Высокий, широкий в плечах, симпатичный. В рубашке с галстуком, а сверху черная куртка. Его глаза, блеснули голубым огнем. В них не было ни страха, ни удивления. Мягкий взгляд и спокойный. Он усмехнулся.

— Девчонка, ты потерялась? Здесь ходить опасно, — юноша ухмыльнулся.

— Какая я тебе “девчонка”? — я разозлилась. Мне давно не 15.

— Ты, похоже, решила поиграть в героев? Или палачей, — он сделал шаг вперед ко мне. — Значит ты тут не просто так, да? Угадал.

— Я делаю свою работу, а ты белокурый принесешь мне деньги, — спокойно сказала я, надевая черные перчатки.

Мы стояли друг против друга, взгляды были полны решимости. Я направила на него пистолет, а он рванул. Молниеносно. Я была готова, но его скорость превзошла мои ожидания. Выстрел. Я целилась в ногу, чтобы вывести его из строя. Но он увернулся с нечеловеческой ловкостью, пуля лишь чиркнула по его куртке, оставив на ткани рваный след. Он уже был рядом, его кулак врезался в мою руку, выбивая пистолет. Оружие с грохотом упало на бетон.

— Игра началась! — прорычал он, и в его глазах вспыхнул огонь.

Это была уже не просто схватка. Это был танец, где каждое движение означало либо жизнь, либо смерть. Он бил сильно, с яростью человека, который привык побеждать. Его удары обрушивались на меня, как молоты, но я уворачивалась, парировала, искала брешь в его обороне. Я чувствовала, как каждая клетка моего тела напряжена до предела. Его хватка была как стальные тиски, его удары — как удары кувалды. Он был намного сильнее меня. Я не ожидала этого. Мне было сложно с ним драться без оружия. Я все больше уставала, вот-вот и я сдамся. Не могу... Обязана сделать хоть что-то.

Я сделала выпад, привычно целясь в горло, чтобы перебить дыхание. Мои движения всегда были отточены до автоматизма, быстры и смертоносны. Но он просто... сместился. Легко, почти лениво, словно мы были на танцполе. Мой кулак рассек пустоту.

Я развернулась, пытаясь достать его ногой в развороте, но он перехватил мой удар. Его ладонь сомкнулась на моей лодыжке как стальной капкан. В его голубых глазах больше не было той солнечной радости с фотографии — там была ледяная, расчетливая пустота профессионала.

— Ты слишком самоуверенна, — выдохнул он.

Резкий рывок. Я полетела на асфальт, больно ударившись плечом. Рывком перекатившись, я потянулась к кобуре. Мне повезло, что я очутилась рядом с ней. Но звук выстрела раздался раньше, чем мои пальцы коснулись рукоятки. Мир на мгновение побелел. Мою правую ногу обожгло чем-то невыносимо горячим, а затем пришла тупая, пульсирующая боль. Я вскрикнула, прижимая ладонь к бедру. Сквозь пальцы тут же толчками хлынула густая, темная кровь. Пуля прошла на вылет, дробя мои планы на легкую победу вместе с костью.

— Черт... — прохрипела я, захлебываясь собственной яростью.

Я не могла сдаться. Только не я. Я попыталась подняться, опираясь на здоровую ногу, выхватила нож из скрытого чехла. Я бросилась на него снова, ведомая чистым адреналином и нежеланием признавать очевидное. Я была наотмашь, пы-

таясь достать хотя бы его лицо.

Но он был везде и нигде. Он перехватил мою руку, вывернул её так, что нож со звоном улетел в темноту. Удар под дых выбил из меня остатки воздуха. Я повалилась на колени, хватая ртом холодный ночной воздух, который теперь пах порохом и железом. Боль была невыносимой. Я чувствовала, как что-то горячее стекает по моему телу. Кровь. Бетонный пол показался мне мягким как подушка.

Он подошел ближе. Я пыталась ударить его по голени, пыталась вцепиться ногтями в его ботинки, но силы покидали меня быстрее, чем я успевала осознать это. Перед глазами поплыли черные круги. Звуки фона стали глухими, будто я оказалась под водой. Моя рука, испачканная в собственной крови, бессильно соскользнула с его штанины и упала в лужу.

Так вот как это бывает... Пронеслась в голове пугающе ясная мысль.

Я всегда думала, что умру в бою, забрав с собой десятки врагов. Но сейчас я лежала у ног парня, которого считала легкой добычей. Мое эго, моя гордость, моя непобедимость — всё это вытекало на землю вместе с кровью.

Холод забирался под ребра. Веки стали неподъемными. Я смотрела на его размытую фигуру, и последним, что я почувствовала, был не страх, а горький, ядовитый вкус поражения.

Я проиграла. Впервые. И, кажется, в последний раз. Тьма сомкнулась над моей головой, окончательно и бесповоротно.

Глава 3

Чужой дом.

Я проснулась на незнакомой мне кровати. Ели как вернувшись в разум, я осмотрелась. Комната была светлой, просторной и мебель была выбрана с особым вкусом. Небольшая пред кроватная тумбочка у кровати, где я лежала. А справа от кровати было окно. Только вот, что за ним я не видела, для этого нужно было встать.

— О, проснулся боец... ха-ха, — слышался голос из двери. Там стоял он. Тот самый парень, с которым я дралась!

Я попыталась встать, но молодой человек меня остановил.

— Ну уж нет, останься лежать. Не рыпайся, тебе нельзя пока ходить. Твои раны ещё не зажили. Ты ещё слишком слаба, чтобы ходить.

— Что я тут делаю?..

— Ты в моем особняке. У меня пока нет важных дел, поэтому я принес тебя сюда, чтобы подлечить тебя, — спокойно он ответил.

— Но... зачем?.. Мы ведь разве не...?

Не дав мне договорить, он продолжил:

— Враги? Знаю. Но у меня мелькнуло чувство жалости, когда ты отключилась.

Я нахмурилась и поджала губы, осматривая его вид. Мне не нравилась эта затея. Я стала уже придумывать план побега. Сначала он меня чуть ли не убил, а потом лечить собрал-

ся?! А еще говорят, что только у меня такая быстрая смена настроения...

Он стал внимательно смотреть на меня, оценивая мое лицо, будто изучая каждую деталь моего лица и продолжил:

— Как тебя зовут, собственно говоря?

— Лия... Лия Риверс, — повторила я неуверенно.

— Лейка значит, — бодро усмехнулся и покачал головой.

— Слушай, ты, перекошенный...

Повисла тишина. Только за окном было слышно, как чирикают птицы.

— Договаривай уж. Чего замолчала? — он улыбнулся и поднял бровь.

— Слова цензурные подбираю, — хмуро ответила я.

Что-то мне не нравится этот тип. Нужно сваливать отсюда, и поскорее. И почему-то я подумала, что отвлечь его и сбежать станет лучшим планом.

— Я хочу пить.

— Я сейчас принесу тебе воды, только не смей пытаться встать пока меня нет. У тебя серьезная рана, не стоит давать телу еще больше нагрузки. Я скоро вернусь.

Парень покинул комнату, чтобы принести воды. Шаги слышны с коридора, как он ушёл в сторону этажа.

Это мой шанс. Я уперлась о тумбочку и попыталась встать. Дверь ведущая из комнаты была приоткрыта, так что мне не трудно будет тихо покинуть это логово пока этот белокурый еще на кухне.

Шаг. И я оказалась на полу, да и ещё с таким шумом. Ноги заныли от боли.

И тут на горизонте появился этот межеумок со стаканом воды. Он тут же подбежал ко мне чтобы помочь мне встать.

— Я же говорил, что не нельзя. Ты глупая или что? — парень поставил стакан на тумбу и протянул руку помощи.

— Отвали, — встать у меня получилось самостоятельно, но вот сделать шаг у меня снова не удалось.

Парень резко схватил меня за руки и вжал в стену. С силой схватил руки и прижал их над моей головой.

— Слушай, ты меня начинаешь бесить, Лейка. Столько проблем с тобой.

Мои щёки порозовели от такой близости и позы. Как некстати! Меня с детства выдают мои щеки. Стоит мне засмущаться, то я становлюсь как помидор. И эта зараза это заметила.

— Ты покраснела? Из-за меня? — он ухмыльнулся, заметив, что мое лицо горит.

— Нет. Душно тут, — вырвалась я из его хватки.

— Ха, очень душно, — улыбался он, стоя позади меня, видя, как я пытаюсь скрыть покрасневшие лицо.

— Чего лыбишься?! — повернулась и злобно на него посмотрела.

— Ты очаровательно краснеешь от меня дорогуша, — он держал руки в карманах, стоя чуть дальше от меня.

— Очень смешно. Стой, а я даже не спросила, как тебя

зовут? — вопросительно я посмотрела на юношу.

— А я-то думал ты все про меня знаешь, раз лезешь в бой, — он захлопал глазами и улыбнулся. — Шрам. Возможно, видела меня. По телевизору показывали.

— А имя нормальное есть?

— Обойдешься.

Вот же! Какой упрямый! И как мне с этим придурком разговор вести. А я ему уже чуть все не рассказала, какая я наивная все-таки!

Раны еще были свежими. Из моего правого бока выступила кровь, белые бинты окрасились в красный цвет. Голову закружило.

Он быстро среагировал и подхватил меня, не давая упасть на пол от головокружения.

— Я же говорил не вставать. Вот скажи, ты идиотка? Я тебя спасти пытаюсь, чтобы ты жила! — он аккуратно опустил меня на кровать. — Ты сама себя губишь. Ты слишком упёртая. Сейчас от усталости можно потерять сознание, а уж ты ещё сильнее себя изматываешь. Дура!

Пока он мне грубил, я все думала, а почему я вообще ещё жива? Последнее, что я помню это везде кровь, и я с последними силами стремлюсь в бой. Зачем он мне помогает? Зачем сейчас залечивает мои раны? Что его так повлекло на этот поступок. Скорее всего ничего хорошего. Сейчас будет спрашивать откуда я и чего. А он хитрый получается.

Его рука тянулась к ране, но он не сразу начал её перевя-

зывать.

— Это... Ну прости меня. Хотя ты первая полезла ко мне драться. Я хотел убить тебя тогда, но сейчас... Теперь я хочу помочь тебе. Честно говорю, — в его голосе была слышна насмешка.

— Какой... ты дружелюбный оказывается, — сказала я с сарказмом и закатила глаза. — Лучше бы убил.

Достав аптечку, парень вынул сверток бинтов и принялся перевязывать ранение.

— Ты заткнешься сегодня или нет? — спокойно ответил на моё замечание, сосредоточено продолжая работать с повреждением.

— Руки свои убери. Мне больно! — заныла я.

Каждое его прикосновение казалось болью. Бок сильно болел и ныл. Я ели как справлялась, чтобы не стонать от терзания. Самое главное, чтобы я показалась ему сильной в его глазах. Все-таки я проиграла один раз, я не допущу второго. Только получалось плохо. Единственное, что выдавало колоссальное напряжение – это едва заметная пульсация в области челюсти. Это было похоже на титаническое усилие, которое выжигало изнутри. Я пыталась сыграть равнодушие.

— Бесполезно пытаться казаться сильной. Я прекрасно понимаю, что тебе больно, но это было твоим собственным решением, что ты полезла ко мне драться, когда я сильнее тебя, — он продолжил перевязывать рану, довольно аккуратно касаясь кожи.

— Я и не пытаюсь. С чего ты решил? — зло посмотрела на него, закусывая губы. Не выдержав его взгляд, отвернулась в окно.

— Ну-ну, посмотри на меня, — Шрам мягко прикоснулся к моему подбородку, пытаюсь повернуть моё лицо к нему.

Я повернулась к нему. И наши глаза встретились. Его глаза были цвета раннего неба, ещё не тронутого солнцем. Голубые, такие чистые и глубокие, что казалось, в них можно утонуть. И кажется, что я уже утонула в них. Они смотрели на меня. И в этой бездонной синеве таилось нечто большее, чем просто отражение света – какое-то чувство нежности и сострадания. Мои губы раскрылись, и я застыла.

— Что ты на меня вылупилась? — он посмотрел на меня как на психопатку.

— А? Что?.. Я просто задумалась, — я лишь отвела взгляд.

— Ага, только рот закрой, а то галки залетят. Всё. Я перевязал. Теперь ложись и отдыхай.

— Спасибо, — я натянуто улыбнулась ему и повернулась на бок, закрыв глаза.

Молодой человек вышел из комнаты и закрыл тихо дверь. У меня совсем не осталось сил, и я провалилась в сладкий сон от усталости. Только вот это продлился недолго. Мне снился кошмар. Это было не просто сновидение – это будто реальность, затянувшая меня в свою трясиину. Я стояла на краю пропасти, а передо мной, возникли зловещие фигуры.

Дарья Александровна, её обычно мягкие черты искажены гримасой отвращения, её глаза метали молнии, обвиняя меня безмолвно, но так ясно, что в моём горле появился комок. Мне было стыдно, а за что не знаю. Затем появились они – родители. Они не кричали, нет, это было хуже. Они смотрели на меня с таким глубоким разочарованием, такой отчужденностью, что казалось, их взгляды пронзали меня насквозь, оставляя зияющие раны. Я металась перед ними, пытаюсь дотянуться до их рук, их сердец, умоляя о прощении, объясняясь, спотыкаясь о слова, которые застревали в горле, горькие и бесполезные. Я знала, что виновата, но в чём – это оставалось за гранью понимания, лишь всепоглощающее чувство вины душило меня. Потом появился Шрам, тот самый тип. Его лицо было безразличное. Глаза горели хищным голубым огнем. Он ухмылялся, смотря на меня. Я чувствовала себя пойманной, окруженной со всех сторон.

Я вынырнула из этой чёрной бездны резко, словно выброшенная на берег волной. Сердце колотилось так дико, что казалось, оно вот-вот вырвется из груди. Холодный пот струился по спине, остужая кожу, но не успокаивая бешено танцующие внутри нервы. Глаза распахнулись в кромешной тьме, и первое, что я почувствовала – это жгучий укол облегчения. Кошмар отступил, растворился, оставив лишь дрожащую тень.

Я медленно огляделась. Очертания комнаты постепенно проявлялись из мрака: незнакомый потолок, чужие занавес-

ки, непривычные тени от мебели. Это осознание ударило меня с новой силой, вытеснив остатки ночного ужаса. Тревога, загнанная на время сном, вернулась с удвоенной мощностью. Это не мой дом. Чужие стены, чужой запах, чужая тишина, которая была тяжелее любого шума. Каждое волокно моего существа кричало о побеге. Бежать. Сейчас же. Но я знала, чувствовала каждой клеткой, что это бесполезно. Он не даст. Я была здесь заперта, пленница чужой воли, и эта реальность была страшнее любого сна.

Глава 4

Привыкни жить по-другому.

Утро встретило меня нежным, но настойчивым прикосновением солнечных лучей. Они проникали сквозь тонкие занавески, рисуя золотые узоры на стенах и пола, и казались единственным движением в этом застывшем мире. Дом был окутан глубокой, торжественной тишиной. Воздух был прохладным и свежим, принося с собой легкий аромат утренней росы и еще не распустившихся бутонов из сада. Я лежала, глядя в потолок, и собирала волю в кулак. Вчерашняя попытка подняться закончилась провалом, оставив после себя лишь горькое послевкусие беспомощности и боль в ослабших мышцах. Но сегодня я решила дать себе еще один шанс. Отчаяние — это роскошь, которую я не могла себе позволить. Сквозь боль, я сосредоточилась на желании встать, на твердом убеждении, что я должна попробовать, пока не иссякнут все силы. Я медленно, с усилием перевернулась на бок, опираясь на локоть, потом на дрожащие руки, пытаюсь оттолкнуться от матраса. Каждый мускул протестовал, но я игнорировала их, сосредоточившись на цели. Тело не слушалось. Ноги, казавшиеся невесомыми еще мгновение назад, вдруг налились болью. Ощущение равновесия, некогда само собой разумеющееся, исчезло, уступив место предательской шаткости. Мгновение — и вот я уже не стою, а снова

лежу на полу, болезненно ударившись коленом. Воздух выбило из легких. Какое-то горькое чувство бессилия подступило к горлу, но я сдержала его, стиснув зубы.

В тот самый миг, когда я собиралась собраться с силами для очередной попытки, дверь моей комнаты бесшумно отворилась. На пороге возникла девушка. Ее присутствие было столь неожиданным, что я невольно вздрогнула. В ее облике сразу бросались в глаза светлые, почти пшеничного цвета, волосы, собранные в высокий, аккуратный хвост, который каскадом струился по спине. Изумрудные глаза с любопытством и легкой тревогой смотрели на меня. Пухлые губы были слегка приоткрыты, словно она собиралась что-то сказать. Одетая она была просто, но опрятно: темное платье с белым передником, чистые, выглаженные манжеты. Все в ней выдавало домработницу, и я почти не сомневалась, что это именно так. Не тратя ни секунды на размышления, девушка подскочила ко мне с удивительной ловкостью и силой. Ее руки бережно, но уверенно подхватили меня, помогая снова сесть на край кровати. Она действовала профессионально, но при этом с такой искренней заботой, что я почувствовала мгновенное облегчение.

— Ну что же вы делаете? Вам нельзя вставать, — с уверенным голосом, проговаривала она.

Я с опаской на нее посмотрела. Первоначально я думала, что этот идиот живет один.

— Меня зовут Анна, — произнесла она мягким, мелодич-

ным голосом, будто поняла, о чем я думаю, — я тут работаю. Вы, должно быть, очень устали. Вам нужно что-нибудь?

Итак, мои предположения подтвердились. Аня, как оказалось, была не просто домработницей, а удивительно доброй и чуткой девушкой. Ее присутствие наполнило комнату теплом и какой-то неуловимой поддержкой. Недолго думая, я решила воспользоваться моментом и, немного смущаясь, попросила дать мне телефон, чтобы позвонить, но она тут же отказала, оправдываясь, что хозяин дома запретил мне давать в руки любые средства связи. Потом я попросила ее рассказать о хозяине дома. Мне отчаянно хотелось понять, кто этот человек, чьим гостем я оказалась, и что он из себя представляет. Анна немного замялась, потом, понизив голос, начала рассказывать.

— Он... не со всеми добр, — сказала она, глядя куда-то в сторону. — Только с теми, кто к нему относится хорошо. С теми, кто уважает его правила. Он очень... требовательный, да. И очень закрытый. Любит порядок во всем, до мелочей. Но при этом он справедливый, если что-то обещает, то всегда исполняет. И... он очень любит уединение. Редко бывает дома, но, когда возвращается, любит тишину.

Она продолжала описывать его характер, создавая в моем воображении образ человека сложного, возможно, даже сурового, но не лишённого своих принципов, хоть мне и не сильно хотелось слушать, что он любит, а что нет. Я надолго здесь оставаться не собираюсь. Свалю при первой возмож-

ности. Только пока такой нет.

Мне не терпелось спросить его имя, где он работает, но я не успела. Внезапно, из глубины дома донесся звук отпираемой двери, а затем тяжелые, уверенные шаги эхом прокатились по холлу. Парень вернулся с дел. Атмосфера в комнате мгновенно изменилась, наполнившись невидимым напряжением. Аня резко замолчала, ее глаза расширились. Момент для вопросов был безвозвратно упущен. И вот он, возник в дверном проеме. Высокий, с осанкой, выдающей привычку к власти, и взглядом, который проникал в самую суть. Его глаза скользнули по Ане, задержались на мне, и на губах появилась легкая, едва заметная усмешка.

Он неторопливо подошел к кровати, не отводя от меня пристального взгляда. В его движениях чувствовалась кошачья грация, опасная и притягательная одновременно. Остановившись рядом, он протянул руку и провел кончиками пальцев по моему лбу. Прикосновение было неожиданно легким, почти невесомым, но по телу пробежала дрожь — не от холода, а от смутного беспокойства. На такой жест я невольно нахмурилась. Я ребенок что ли?

— Ну что, наша беглянка снова решила пощекотать нервы себе и окружающим? — произнес он, и в его голосе прозвучали те самые дразнящие нотки, которые я уже успела возненавидеть. — Снова попытки геройства? Не слишком ли рано для подвигов, учитывая твой... хрупкий статус?

Я молчала, лишь крепче стиснув челюсти. Отвечать ему

не хотелось. Его шутки были острыми, колкими, всегда на грани, и чаще всего высмеивали мою беспомощность.

— Молчишь? Ну что ж, молчание – золото. Особенно когда у тебя нет ничего, кроме этого золота, правда? — он усмехнулся, явно наслаждаясь моей реакцией, или, точнее, её отсутствием.

Аня, кажется, немного осмелела.

— Сэр, если позволите, я бы хотела спросить мисс... — она запнулась, не зная, как меня назвать. Шрам перебил ее, бросив на меня насмешливый взгляд.

— Она у нас Лейка садовая. Или Царевна-Несмеяна, учитывая ее угрюмый вид? Нет, она у нас лисица. Уж очень хитрая и шустрая.

Я ощутила, как прилив возмущения обжигает щеки, но держала себя в руках.

— Я Лия Дмитриевна, — безразлично сказала я, обижаюсь на слова этого межеумка.

Аня тут же обернулась ко мне, ее зеленые глаза выражали неподдельное участие.

— Лия Дмитриевна... что бы вы предпочли сегодня на обед? Я могу приготовить что-то легкое, например, запеченную рыбу с овощами. У нас прекрасная форель.

При одной мысли о рыбе меня передернуло. Я никогда не любила ее запах и вкус, причем с самого детства.

— Нет, спасибо, — тихо, но твердо ответила я. — Рыбу я не ем.

В тот же миг раздался низкий, раскатистый смех. Белокурый наклонился ближе, его глаза искрились весельем.

— Ого, у нас тут гурман! Даже в таком... положении. Ну, рыба не по нраву? А что же по нраву, лисенок?

Я сжала кулаки под одеялом. Что бы я ни сказала, какую бы просьбу ни высказала, он всегда найдет повод посмеяться. Его смех был не злым, скорее снисходительным, но от этого не менее унижительным.

Он выпрямился, повернулся к домработнице.

— Что ж, Аня, раз наша дама так капризна, тогда можете быть свободной. Я сам справлюсь с обедом. Сегодня я никуда больше не поеду.

Аня удивленно подняла брови, но быстро кивнула. Она поклонилась и поспешно вышла, оставив нас двоих наедине.

— Теперь понятно, почему ты такая слабая. Рыбу не ешь то, — растянулся в улыбке юноша.

— Очень смешно.

— Тебе родители не говорили, что рыба полезна для костей и иммунитета.

— Все детство только это и слышала, — закатила я глаза.

После еще очередных насмешек надо мной, молодой человек вышел из комнаты. Я слышала, как он хозяйничал на кухне — звон посуды, приглушенный стук ножа, запах чего-то жареного, постепенно наполнявший дом. Некоторое время спустя он вернулся, неся поднос. На нем красовалась тарелка с ароматным картофелем и сочной курицей, от которой

исходил аппетитный пар.

Он поставил поднос на прикроватный столик и сел на край кровати, вновь оказавшись опасно близко.

— Вот, — сказал он, указывая на тарелку. — Пришлось импровизировать, раз рыба не подошла. Картофель и курица. Ничего особенного, но вкусно и сытно. Ешь – не подавись.

Я взглянула на еду, затем на него. В его глазах не было прежнего смеха, лишь какая-то мрачная решимость. Мое сердце забилося быстрее. Что, если он что-то подмешал? Какой-нибудь препарат, который сделает меня еще более покорной? Ведь скорее всего он этого только и хочет! Паранойя шептала мне самые жуткие сценарии.

— Я... я не буду, — прошептала я, отворачиваясь. — Я не голодна.

Тень пробежала по его лицу. Улыбка исчезла, и глаза стали жесткими, от чего мне стало не по себе.

— Не будешь есть? — Его голос понизился, стал угрожающим. — Реально, идиотка. Ты давно не ела. Ешь, пока дают.

Он взял тарелку и ложку.

— Я для кого готовил? Что ж, придется мне помочь тебе осознать важность приемов пищи.

Прежде чем я успела что-либо возразить, он зачерпнул ложку картофеля с курицей и поднес ее к моим губам. Его глаза, голубые и непроницаемые, смотрели прямо в мои. Отказаться было невозможно. Он был слишком близко, слиш-

ком решителен. Бесцеремонность его жеста, властная сила, которая от него исходила, не оставляли мне выбора. Я почувствовала, как он легонько сжал мою челюсть, и ложка оказалась во рту, заставляя меня проглотить пищу. Каждый кусок был не просто едой, а горьким напоминанием о моей абсолютной беспомощности.

Я боролась, отчаянно мотала головой, пытаюсь вернуться от ложки, но он был сильнее, и главное – абсолютно невозмутим. Каждый мой протест встречался его спокойным, настойчивым взглядом, а рука не дрогнула. Ложка за ложкой, еда оказывалась у меня во рту, а я чувствовала себя, как на принудительном кормлении. Это было унижительно, нелепо, и в то же время невероятно приятно. Что со мной происходит? Не знаю. Скорее всего, что он добавил туда, начало туманить мне разум.

В голове вихрем проносились самые жуткие мысли. Это конец, — паниковала я, мысленно крича. Вот так, в чужом доме, от рук этого типа, который сначала издевается, а потом насильно кормит. Наверняка подсыпал что-то. Какую-нибудь дрянь, чтобы я стала смирной и узнать информацию о моей работе. Или еще хуже – чтобы окончательно добить. Прощай, моя счастливая жизнь! Хотя, какая уж тут счастливая, когда ты лежишь, не можешь пошевелиться, а какой-то самодовольный тип пичкает тебя едой! Не такой я жизни себе хотела! Каждая ложка казалась ядовитой, каждый глоток – предвестником конца. Я была уверена, что вот-вот почув-

ствую слабость, головокружение, и это будет финал моей короткой, хоть и не слишком примечательной истории.

Но... ничего не происходило. Это пока. Я все еще была в сознании, все еще чувствовала вкус картошки и курицы, и, к моему огромному удивлению, вкус этот был... вполне съедобным. Даже аппетитным, признаться честно.

Когда тарелка почти опустела, а я уже еле дышала от переедания и напряжения, он отодвинул ее в сторону и, слегка наклонившись, спросил, не отрывая от меня цепкого взгляда:

— Ну что, Принцесса-Несмеяна, не по вкусу? Смотришь на меня так, будто я тебе таракана в пюре подкинул.

Я хмуро уставилась на него, не в силах скрыть свое возмущение.

— Я, между прочим, очень старался, — продолжил он, заметив выражение моего лица. — Лично для вашей капризной персоны.

— Если ты пытаешься меня убить, — слова вырвались сквозь стиснутые зубы, и я сама удивилась, какой хриплой оказалась интонация. — То у тебя это не выйдет! Я так просто не сдамся! — я ждала от него чего угодно.

Он откинулся назад и... расхохотался. Это был не легкий, ехидный смешок, а глубокий, раскатистый смех, который сотрясал его грудь и заставлял его плечи подрагивать. Он смеялся так искренне и заразительно, что я невольно ощутила легкое раздражение, смешанное с растерянностью.

Потом он, все еще смеясь, поднес ложку ко рту и демонстративно облизнул ее, медленно, с каким-то озорством, глядя мне прямо в глаза.

— Видишь? Я не пытаюсь тебя убить.

Смех не унимался, он лишь становился глуше, переходя в хихиканье. Он все еще посмеивался надо мной, над моей паранойей, над моим пафосным заявлением о том, что он пытается меня убить. И эта его непосредственная реакция, этот искренний, чуть ли не детский смех, совершенно выбили меня из колеи.

— Знаешь, — я сама себя не узнала. Мой голос звучал почти примирительно, а ведь я только что клялась его ненавидеть, — а ведь... вкусно. Правда. Если ты сам это приготовил, ты реально шеф-повар? Серьезно, это... неожиданно хорошо. Я думала, будет хуже.

Его смех оборвался так же внезапно, как и начался. Он посмотрел на меня, и в его глазах мелькнуло что-то... сложное. Удивление? Признательность? Я не могла понять. На долю секунды его обычная маска слетела, и я увидела в нем нечто человеческое, нечто более мягкое.

— У меня... другая работа, — произнес он чуть хрипло, словно все еще давя в себе остатки смеха.

— Какая? — не удержалась я, чувствуя, как внутри зарождается нечто вроде любопытства.

Он лишь неопределенно повел плечом.

— Не твое дело, — ответил он, но без прежней резкости,

скорее как констатацию факта.

Затем он просто встал. Поставил поднос обратно на столик. И, не сказав больше ни слова, повернулся и вышел из комнаты, оставив меня в абсолютном недоумении. Запахи жареной курицы и картофеля еще витали в воздухе, смешиваясь с ощущением только что пережитого абсурда, страха, а затем – неожиданного тепла, оставленного его смехом и странным, неловким признанием, что еда была, черт возьми, действительно вкусной.

Я стала раздумывать. Кем же он все-таки работает? Что я знаю о нем в итоге? Он хорошо дерется, уж слишком... А также умеет управлять оружием. Замечательно готовит. И то, что он добр не ко всем и требователен, по словам Ани. Так и плюсом любитель пошутить и сам посмеяться с этого. Больше ничего. Что он может скрывать? Нужно узнать.

Глава 5

Осенняя прогулка.

Почти месяц я провалялась в кровати. Было невыносимо скучно. Этот дурень запрещал мне делать абсолютно всё! И делал всё за меня! А самое главное не давал мне телефон. Мало ли я захочу кому не надо позвонить, тем самым нарушая его планы. Идиот. Я обязательно выберусь отсюда.

Острые боли утихли, слабость отступила, оставив лишь легкое, но назойливое напоминание о пережитом. Я больше не нуждалась в его и Анниной постоянной опеке, не чувствовала себя хрупкой вазой, которую они бережно хранили. Мое тело, хоть и ослабленное, вновь обрело силы, а разум – ясность. Я снова могла заботиться о себе сама.

Шрам, казалось, тоже это почувствовал. Он больше не напоминал мне о необходимости есть, не проверял температуру каждые полчаса. Между нами возникло некое негласное понимание – я в порядке, и мне нужно вернуться к своей жизни. Но он, словно чувствуя, что я все еще не до конца оправилась, не спешил выставлять меня за дверь. Честно, то я начала немного привыкать к нему. Но даже несмотря на это, я все равно не оставляла попыток сбежать. И эти попытки постоянно обрывали!

Однажды утром, когда солнце уже заливало комнату золотистым светом, парень вошел ко мне, держа в руках два

стакана с чем-то ароматным.

— Травяной чай, — сказал он, протягивая мне один. — Специально для восстановления сил.

Он сел на стул рядом с моей кроватью. И мы стали пить чай.

— Тебе нужно выбраться на свежий воздух, — внезапно сказал он, глядя куда-то вдаль. — Хотя бы ненадолго. Ты слишком долго пробыла взаперти.

— Я? Так это ты меня не выпускал! — чуть не подавилась чаем. Будто мне нравится у него тут отсиживаться.

— Значит плохо просила, — ухмыльнулся он и сделал глоток напитка. — Сейчас мы пойдем с тобой гулять.

— Я не хочу, потом как-нибудь, — промямлила я.

— Тебя никто не спрашивал, — Шрам зло улыбнулся. — Я тебе уже всё купил. Пойдешь как миленькая. Отказы не принимаются.

Он вынудил меня пойти с ним.

И правда, он приготовился. Купил мне много вещей, на его вкус, которые мне могли бы подойти. Ну конечно, денег много же у некоторых и спрашивать меня о моем мнении не надо.

Я переоделась, и уже стояла в коридоре, крутясь возле зеркала в новой симпатичной курточке, укутанная в шарф.

— Готова? — юноша уже завязывал шнурки на кедах.

— Да. Пошли, — потянулась, я, к ручке двери.

— Стоп, — потянул меня за руку обратно. — Где шапка?

— Какая шапка? — мой взгляд нахмурился.

— Одевай шапку. Быстро.

— Не буду я надевать! Она мне не нравится.

— Лейка, на-де-вай. Иначе сам одену тебе, — видно, что он стал раздражаться.

— Я не ребенок. Сама решу. И к тому же там не холодно, — я направилась к двери.

Шрам, стоя рядом, с интересом наблюдал за моими попытками уклониться от этой необходимости. Его голубые глаза сверкали от веселья, а губы слегка приподнялись в улыбке, которая обещала, что он не оставит меня в покое.

— Ты ведь знаешь, что на улице холодно, — произнес он с легким насмешливым тоном, делая шаг ближе. Я лишь покачала головой, уверенная в своем праве на свободу выбора.

— Я не хочу! — упрямо ответила я, чувствуя, как внутри меня разгорается огонёк непокорства. Он похоже всегда знал, как вывести меня из себя, но в этот раз его настойчивость была почти игривой.

— Я сам тебе ее сейчас напялю.

Не дождавшись моего ответа, парень аккуратно притянул меня к себе, и я почувствовала, как его руки нежно обхватили мою голову. Я попыталась сопротивляться, но он был решителен. С лёгкостью он надел мне шапку.

— Вот так лучше, — произнес он с удовлетворением, отступив на шаг назад, чтобы оценить результат своего труда. Я не могла сдержать улыбку: он выглядел таким довольным

собой. — Ты правда странная. Улыбаешься просто так, — рассмеялся молодой человек.

Мы отправились в лес, который раскинулся неподалеку от его частного двухэтажного дома. Воздух был наполнен ароматами хвои и влажной земли, солнце пробивалось сквозь густые кроны деревьев, рисуя на земле причудливые узоры. Птицы заливались на все голоса, и их пение казалось музыкой, исцеляющей душу. Я шла, чувствуя, как каждый вдох наполняет меня новой силой, как каждый шаг по мягкой лесной подстилке возвращает мне ощущение жизни.

Шрам шел рядом, его присутствие было ненавязчивым, но успокаивающим. Он рассказывал мне о лесе, о деревьях, о птицах, о своих детских воспоминаниях, связанных с этими местами. Я слушала, улыбаясь, чувствуя, как напряжение покидает мое тело, а на душе становится легко и спокойно. Оказалось, он и не очень-то необычный. Такой же, как и все. Но это не отменяет, что он странный тип, я все еще не понимаю его намерений!

Но лес, как известно, полон неожиданностей. Увлечшись разговором, я не заметила корень, который коварно выступил из земли. Нога моя задела этот корешок, и я, потеряв равновесие, упала. Падение было несильным, но для меня достаточно болезненным, чтобы напомнить мне о недавней слабости.

— Осторожнее! Ты под ноги будешь смотреть или что? — воскликнул, тут же бросаясь ко мне.

Он помог мне подняться, его руки были сильными и заботливыми.

— Ты не ушиблась? — спросил он, внимательно осматривая меня.

— Все в порядке, — ответила я, чувствуя, как легкий румянец заливает мои щеки. — Просто нога зацепилась.

— Что? Опять душно тебе? — заметив мой румянец, расхохотался.

— Не смешно, дурак, — я закатила глаза.

Подул холодный ветер, и мне резко вспомнилось, как я в юном возрасте любила именно осенью пить какао. Всегда себе покупала большую банку растворимого порошка. Добавляла туда маленькие маршмеллоу и сидела под пледом. Таких кружек я могла выпить за день штук десять.

Идти пешком до города было не просто далеко, а абсурдно далеко. Часы, проведенные в пути, не стоили ни кружки какао. Ведь дом межеумка находился значительно далеко от черты города.

И тут я придумала. Если он отвезет меня в город, то я смогу сбежать, позвать на помощь. И все!

Шрам, увидев, что я зависла о чем-то думая, дал мне подзатыльника по шапке, заставляя обратить на него внимание.

— Скучаешь по городским благам, Лейка?

— Какао хочу, — с наигранной тоской, сказала я.

— Какао у нас дома нет. Можно купить в кофейне. Дорога к городу, конечно, не близкая, но, если ты не устала от

моих... развлечений, — он озорно подмигнул, — могу подбросить до города. Прогуляемся, выпьем чего-нибудь.

Мое сердце радостно подпрыгнуло. Да! Мой план сработал! Возможность выбраться в город и сбежать у меня была в кармане.

— Только попробуй убежать куда-то. Все равно найду.

Я его сердито передразнила и тут же получила подзатыльник.

Шрам направился к отдельно стоящему строению в стороне от дома – большому, современному гаражу. С лязгом поднялись автоматические ворота, и я замерла. Мой рот открылся от удивления. Внутри, под мягким светом ламп, стояла... не просто машина, а настоящее произведение искусства. Глянцевый черный корпус, сверкающие диски, идеально чистые стекла. Казалось, каждый сантиметр этого зверя был отполирован до зеркального блеска. Было видно, что за ней не просто ухаживали – ее лелеяли.

— Вот это да... — выдохнула я, не в силах оторвать взгляд.

Парень лишь самодовольно улыбнулся, наблюдая за моей реакцией. Он обошел машину, открыл пассажирскую дверь, приглашая меня внутрь. Я осторожно опустилась на кожаное сиденье. Салон пах новизной и дорогой кожей.

Шрам устроился за рулем. Его сильные пальцы обхватили толстый, обтянутый кожей руль, и я невольно засмотрелась на них. Длинные, сильные, они излучали какую-то уверен-

ную силу. Стоп. О чем я думаю?!

— Знаешь, — ляпнула я, сама не понимая, к чему я это. — я тоже умею водить. И по любому, даже лучше тебя!

Он усмехнулся, бросив на меня быстрый взгляд в центральное зеркало заднего вида.

— Ах, лисенок-гонщица, значит? Боюсь, мои нервы не выдержат такой проверки. Так что нет, рулить я тебе не дам. Сиди смирно и наслаждайся поездкой.

Его отказ был мягким, но твердым. Только вот “лисенок” разозлил меня больше всего. Я лишь закатила глаза, но спорить не стала. Все равно это было бы бесполезно.

Через какое-то время город начал оживать за окнами. Мы оставили машину на парковке и вышли на набережную. Я уже чувствовала вкус свободы, которая была так близко — буквально в десяти шагах, за углом того торгового центра, где толпа становилась достаточно густой, чтобы я могла раствориться в ней навсегда. У меня в голове уже был проложен маршрут: три поворота, проходной двор, смена куртки, ищи-свищи.

Но была одна проблема. И эта проблема весом под восемьдесят килограммов сейчас мертвой хваткой вцепилась в мою ладонь.

Белокурый шел рядом как ни в чем не бывало. Его пальцы переплелись с моими, но в этом жесте не было ни грамма нежности. Это был замок. Стальной, нерушимый замок. Он знал, о чем я думаю. Он видел меня насквозь со всей моей

жаждой побега, и это бесило.

Я попыталась резко дернуть руку, делая вид, что поправляю волосы. Ноль реакции. Его ладонь даже не дрогнула, только хватка стала чуть жестче, напоминая мне, кто здесь на самом деле ведет игру.

— Тварь, — прошипела я, чувствуя, как лицо заливают краска гнева.

Я — лучшая ищейка Кольцовой. Я — та, чье имя заставляло шептаться в страхе. И вот я здесь, иду по центру города, привязанная к этому парню, как чертов домашний пудель на коротком поводке.

Мы прошли мимо витрины, и я мельком увидела наше отражение. Нас со стороны можно было принять за парочку, но нет — я видела всё иначе. Из-за разницы в росте и того, как уверенно он меня тащил, притормаживая на поворотах, мы выглядели либо как влюбленные, где парень — жуткий собственник, либо — что еще унизительнее — как отец, который ведет за руку капризного, нашкодившего ребенка.

Я снова попыталась вывернуться, на этот раз используя хитрый захват, которому меня учили для освобождения из наручников. Но он даже не повернул головы. Просто чуть сильнее сжал мою кисть, так, что косточки жалобно хрустнули, и я невольно прикусила губу, чтобы не шипеть от боли.

— Даже не думай, Лейка, — негромко произнес он, продолжая улыбаться прохожим своей этой дурацкой, «солнечной» улыбкой. — Мы просто гуляем. Наслаждайся видами.

— Я тебя ненавижу, — процедила я сквозь зубы, глядя прямо перед собой. — Я вырву эту руку вместе с твоим плечом, как только представится случай.

— Охотно верю. Но пока что ты идешь со мной.

Его спокойствие доводило меня до иступления. Я чувствовала себя беспомощной, и это было самое мерзкое чувство в мире. Каждый встречный зевака, который смотрел на нас и, возможно, думал: «Какая милая пара», вызывал у меня желание достать нож и перерезать всем горло.

Я снова дернулась, уже почти откровенно, плечом пытаюсь оттолкнуть его от себя. Данил просто притянул меня ближе, так что я почти врезалась в его бок. Теперь это выглядело еще более «мило».

Пока что мне приходилось переставлять ноги в такт его шагам, глотая унижение и мечтая только об одном: увидеть его кровь на своем ноже. Поражение в драке было ударом по телу, но эта прогулка «за ручку» была ударом прямо по моей душе. И этот счет я собиралась закрыть очень скоро.

А осень уже всю хозяйничала, но здесь, в городе, она была другой. Набережная была украшена разноцветными флажками, гирляндами, а фонари, казалось, включатся раньше обычного, чтобы создать уют. Я давно не была в городе. Улица была для меня лишь коридором между метро и пунктом назначения.

Я разглядывала все вокруг. Вот пожилая пара, рука об руку, медленно прогуливается вдоль реки, бросая крошки ут-

кам, которые шумно плещутся у берега. Чуть дальше, группа малышей в ярких куртках бегают друг за другом, заливаясь звонким смехом. Две девушки, обхватив стаканчики с напитками, оживленно болтают, не обращая внимания на окружающих. Этот калейдоскоп жизни был таким далеким от моей недавней реальности, таким... нормальным.

Мы подошли к небольшому киоску, откуда доносился аромат кофе и горячего шоколада. И тут меня осенило. Деньги. У меня их не было. Вообще. Ни копейки. Мне стало не по себе, а за этим чувством пришла волна стыда. Заставлять Шрама платить за меня... это было ужасно. Я не хотела наглеть.

— Мне, пожалуйста, самый маленький стаканчик какао, — пробормотала я, стараясь говорить как можно более уверенно.

Продавец кивнул. Потом Данил начал заказывать себе, все держа меня за руку. Я задумалась, смотря в одну точку. Мне нужен срочно новый план, как отвязаться его.

Вдруг Шрам протянул мне какао. Я подняла глаза и увидела... огромный стакан. Мои брови взлетели вверх от удивления.

— Я... я это не заказывала, — проямлила я. — Я просила самый маленький.

Он лишь усмехнулся.

— Я видел, что ты этого хотела. Не прикидывайся скромницей, лисенок. Я за тобой присматриваю лучше, чем ты ду-

маешь.

Я взяла стакан. Тепло от него приятно согрело ладони. Запах был божественный. Он же прихлебнул из своего стакана.

— Карамельный латте, — пояснил он, заметив мой взгляд.

И тут я почувствовала легкий шок. Карамельный латте — это был мой любимый напиток, который я всегда заказывала, когда позволяла себе такую маленькую радость. Неужели мы с ним похожи больше, чем мне кажется? Хотя нет, мы сильно отличаемся. Я адекватная, а он нет.

С горячими стаканами в руках, источающими душистый пар, мы продолжили нашу «милую» прогулку по набережной. Аромат какао и латте смешивался с прохладным, влажным запахом реки, создавая удивительную гармонию осеннего дня. Неподалеку от старинного кованого моста, перекинутого на другой берег, притягивая взгляд своей ажурной красотой, сидела бабушка. Она была удивительно милой и лучистой, с морщинками, рассыпавшимися вокруг глаз от частых улыбок. На ее коленях лежал старый, но аккуратный плед, а вокруг стояли ведра, наполненные цветами. Казалось бы, поздний октябрь — не время для буйства красок, но в ее ведрах царила настоящая весна. Ярко-желтые, огненно-рыжие, нежно-розовые хризантемы выглядели так свежо и нарядно, что я невольно засмотрелась, очарованная этим маленьким оазисом света посреди серого дня. Они словно бросали вызов холоду, привнося в хмурую осень нотки неуны-

вающей радости.

Бабушка, заметив мой долгий, восхищенный взгляд, звонко прокричала, обращаясь к Шраму:

— Молодой человек! Купи своей красавице девушке цветы!

Ее слова заставили меня моментально вспыхнуть. От шеи до кончиков ушей меня залил предательский румянец. Я его девушка?! Шрам же, к моему удивлению, лишь легко улыбнулся бабушке в ответ. Его улыбка была теплой, искренней, без тени привычной насмешки. Он подошел к ней, понятное дело и тянув меня за собой, и, протянул несколько купюр старушке, наклонился над ведрами, выбирая. Шрам выбрал небольшой, но пышный букет хризантем – кажется, черными, но на самом деле были темно-бордовыми. Они были свежими, с еще влажными от росы лепестками. Он повернулся ко мне и протянул их, легко и непринужденно, словно это было самым естественным жестом в мире. Я осторожно приняла букет, ощущая прохладу стеблей и мягкость бархатистых лепестков. Аромат, чуть горьковатый и терпкий, щекотал ноздри.

— Спасибо большое, но не стоило, — прошептала я, стараясь, чтобы мой голос не выдал смущения.

Бабушка, сияя, одобрительно кивнула.

— Вот так! Правильно! Очень хорошо вы смотрите вместе, милые. Прямо глаз радуется.

Мне снова стало жарко от смущения. Я не могла оставить

ее в заблуждении.

— Мы... мы не пара, — поспешно сказала я, обращаясь к ней. Я все пыталась вырвать свою руку из его хватки, но он не давал мне этого сделать. — Просто знакомы. Спасибо за цветы.

Женщина лишь хитро прищурилась, ее улыбка стала еще шире, словно она знала что-то, чего не знала я. Она не стала спорить, лишь добродушно махнула рукой, возвращаясь к своему товару.

Словно под влиянием момента, или быть может, от неожиданного прилива храбрости, я зачем-то сильнее сжала его руку и потянула его прочь от косящихся взглядов.

— Пойдем-пойдем! — пробормотала я.

Мы шагали по набережной, и я, кажется, тащила его за собой. В голове же творился настоящий хаос. «Ну вот, теперь уж точно мы смотримся как пара!» – вопил внутренний голос. На мою реакцию, вернее, на мои пылающие щеки и нервный жест, парень лишь ухмыльнулся. Эта его фирменная ухмылка, полная снисходительности и какой-то чертовской уверенности, только подливала масла в огонь моего смущения.

Пока я пыталась спрятать свои розоватые щеки, которые, казалось, горели огнем, привлекая всеобщее внимание, Шрам вдруг остановился. Он нежно, но настойчиво потянул меня в сторону, вглядываясь куда-то вдаль.

— Смотри, — произнес он, и в его голосе проскользнула

необычная мягкость.

Я подняла глаза и увидела толпу, собравшуюся у старого развесистого дерева. Дети, щебечущие, как стайка воробьев, обступили ствол, протягивая крошечные ладошки. И тут я увидела ее. Маленькая, рыжая, пушистая – настоящая лесная красавица—белка. Она сидела на нижней ветке, ловко орудуя лапками, и принимала угощение из рук восторженных малышей. Я стояла, замороженная, забыв обо всем, о своих горящих щеках, о какао, о букете и даже о Шраме. Просто смотрела на это маленькое рыжее чудо, как оно воплощало собой всю прелесть и непосредственность дикой природы.

Мы постояли так какое-то время, молча, любуясь этой идиллической сценкой. Затем мы отправились обратно к машине. Дорога домой прошла в тишине.

И вот, сидя дома, переваривая впечатления этого дня, я сделала окончательный вывод из всей этой «прогулки». Мой мозг работал с удвоенной силой, отмечая все романтические флюиды, которые могла вызвать прогулка с букетом и горячим напитком. Я никогда вместе с ним не выйду больше на улицу.

Глава 6

Кукловод.

За последние недели я изучила в этом доме каждый угол. Я даже начала чувствовать себя здесь... хозяйкой. И это пу-

гало меня больше всего. Вечерами, сидя в глубоком кресле с книгой, которую я не читала, я ловила себя на мысли, что тишина этого дома становится мне привычной. Но потом я вспоминала Кольцову. Вспоминала холодный блеск её глаз, запах сигарет в нашем офисе, резкий юмор парней из группы захвата. Моя настоящая жизнь была там. А здесь... здесь была затянувшаяся галлюцинация. Мне нужно было выйти на связь. Хоть как-то. Но Шрам вычистил всё: ни одного рабочего телефона, ноутбуки под паролями, даже стационарный телефон был отключен от внешней линии.

Сегодня удача наконец была на моей стороне.

— Лия Дмитриевна, список продуктов огромный, я задержусь в гипермаркете, — Анна поправляла платок у зеркала. — Обед в духовке. Пожалуйста, не обожгитесь.

Она улыбнулась мне той доброй, почти материнской улыбкой, которая заставляла меня чувствовать себя предательницей. Как только входная дверь захлопнулась, я сорвалась с места.

Я была одна дома. Шрам каждый день уезжает утром и возвращается вечером. У меня был час, может, чуть больше, пока не вернулась домработница. Я знала, куда идти. На первом этаже была дверь, в которой я никогда не была. Это моя последняя надежда, чтобы хоть как-то связаться с Дарьей Александровной.

Щелчок. Дверь поддалась. Это был кабинет Шрама. Тяжелый стол из темного дуба, на стенах — карты, какие-то

логистические схемы.

Я бросилась к столу. Мне нужен был телефон, хоть какой-то зацеп, но мой взгляд упал на массивную кожаную папку, лежащую прямо по центру. На обложке не было ничего. Я открыла папку. Документы, отчеты, печати... И имя. Оно было повсюду. В каждой подписи, в каждом распоряжении.

Вольф Данил Сергеевич. Владелец компании «Синдикат»
— Нет... — выдохнула я, отшатнувшись от стола, словно папка могла меня укусить. — Только не это.

Перед глазами всплыло лицо Кольцовой. Её голос, охрипший от гнева, когда она рассказывала о «Синдикате».

«Это звери, Лия. Они не играют по правилам. Они пожирают компании, ломают жизни и выходят сухими из воды. Вольф — это не человек, это машина. Если ты когда-нибудь пересечешься с ними — беги. Они наш главный враг, наша раковая опухоль».

Всё это время я жила в доме чудовища. Я ела его еду, я спала на его простынях, я... Я едва не начала ему доверять.

— Красивое имя, правда? — голос раздался из тени у окна.

Я едва не вскрикнула, резко развернувшись. Он стоял в дверном проеме кабинета. Данил — теперь я знала, как его зовут — медленно поднялся.

— Ты... ты хозяин «Синдиката», — мой голос дрожал от ненависти. — Ты тот самый Вольф.

— Я смотрю, ты зря времени не теряла, — он сделал шаг к

свету. Его лицо было непроницаемым, как гранитная маска. Ни тени вины, ни капли смущения.

— Зачем я здесь?! — я сорвалась на крик. — Ты похитил меня, чтобы шантажировать Кольцову? Чтобы выведать наши схемы? Почему ты просто не убил меня тогда?!

— Твоя самоуверенность меня забавляет, — он подошел ближе, и я невольно вжалась в край его рабочего стола. — Ты думаешь, что мир вращается вокруг твоих шпионских игр и архивов Кольцовой? Ты слишком высокого мнения о своей значимости для моей компании.

— Тогда почему?! Зачем ты держишь меня здесь как домашнее животное? Зачем эти прогулки за руку, зачем это притворство?! Зачем это все?!

Я схватила со стола тяжелое пресс-папье и замахнулась, но он перехватил мою руку в воздухе с такой легкостью, будто я была ребенком.

— У меня есть свои причины, — отрезал он. Его глаза потемнели, в них вспыхнуло что-то опасное, чего я не видела раньше. — И они тебя не касаются.

— Ты мразь, Вольф! — я вырвала руку, едва не плюнув ему в лицо. — Кольцова была права. Ты — гниль. Ты вор, который строит свое величие на чужих костях. Я ненавижу этот дом, я ненавижу этот воздух, которым ты дышишь, и я ненавижу то, что я вообще на тебя смотрела!

Его челюсть сжалась так, что желваки заходили ходуном. Он резко сократил расстояние между нами, вдавливая меня

в стол.

— Хватит, — его голос упал до ледяного шепота. — Ты ничего не знаешь ни о моей компании, ни о том, почему ты еще жива. Ты сидишь в этом доме только потому, что я так решил. И ты будешь сидеть здесь до тех пор, пока я не закончу то, что начал.

— Я вырвусь, — прошипела я, глядя ему прямо в глаза, несмотря на удушающий страх. — Я найду способ тебя уничтожить. Я расскажу им всем, кто ты такой. Если ты меня лечишь это не означает, что я теперь буду подчиняться тебе.

— Если бы я хотел тебя подчинить — ты бы уже стояла передо мной на коленях. Но я вижу... тебе нравится играть с огнём. Интересно, что ты скажешь, когда узнаешь правду о своей организации?

В нем я видела только врага. Мой пазл о нём начался складываться. Он просто будет шантажировать мою компанию мной, и просить огромные средства. Я ценный работник, на мне держится половина офиса. Им придется пожертвовать. Вот черт!

— Что за чушь?! — я смотрела ему прямо в глаза.

— Ты реально думаешь, что я такой же идиот как вы там в своей конторе? — его глаза засверкали опасным огнем. — Я знаю о тебе всё и о твоей работе.

Он резко развернулся и направился к выходу.

— Чтобы я больше не видел тебя в этом кабинете. Никогда.

Дверь захлопнулась с такой силой, что зазвенели хрустальные подвески на люстре. Я осталась стоять в кабинете. Каждая секунда, проведенная в этом доме, теперь казалась мне пыткой. Я знала его имя. Я знала его лицо. И теперь я знала, что моя жизнь превратилась в бесконечную войну с человеком, который не умеет проигрывать.

Глава 7

Теплый кофе с горчинкой.

Ночь после ссоры превратилась в бесконечную пытку. Стены комнаты теперь еще сильнее давили, напоминая о том, что я заперта в логове врага.

Утро ворвалось в окна наглым, ослепительно ярким светом. Я долго стояла под ледяным душем, пытаюсь смыть ощущение бессилия, и в конце концов заставила себя спуститься вниз. Голод был единственным, что связывало меня с реальностью.

На кухне было непривычно тихо. Анны не было видно, зато у панорамного окна, спиной ко мне, стоял Данил. Он был без пиджака, в одной серой рубашке с закатанными рукавами. Запах свежемолотого кофе и поджаренного хлеба наполнял пространство, создавая иллюзию домашнего уюта, от которой меня едва не стошнило.

— Решила выйти из заточения? — не оборачиваясь, спросил он. Его голос после вчерашнего крика казался пугающе

спокойным.

— Решила, что не доставлю тебе удовольствия наблюдать за моей голодной смертью, — я прошла к столу, стараясь держаться как можно дальше от него. — Или в «Синдикате» принято морить пленников голодом, чтобы они стали шелковыми?

Данил обернулся. Его лицо выглядело уставшим. Он поставил передо мной тарелку с идеально приготовленным омлетом и чашку кофе.

— Если бы я хотел твоего послушания через боль, Лия, ты бы узнала об этом в первую же минуту, — он сел напротив, пристально глядя на меня. — Ешь. Нам нужно поговорить без криков.

— О чем? — я вызывающе вскинула подбородок. — О том, как ты планируешь использовать меня против Кольцовой? Или о том, сколько стоит моя голова на черном рынке? Ты — чудовище, Вольф. И никакие завтраки этого не исправят.

Он медленно отпил кофе, не сводя с меня глаз.

— Твоя проблема в том, что ты видишь мир только в черно-белом цвете. Кольцова — святая, я — дьявол. Но мир состоит из теней, Лия. И прямо сейчас в этой тени стоишь ты. Живая. Целая. И сытая.

Мы молчали несколько минут. Тишина была острой, как лезвие, но постепенно напряжение начало спадать. Может быть, виной тому было мирное утреннее солнце, или то, как

методично он резал свой тост, не пытаясь на меня напасть. Мой желудок предательски заурчал. Я с ненавистью схватила вилку и начала есть.

Омлет был нежным, с нотками пряных трав. Мы сидели в этом странном, навязанном перемирии, двое врагов, разделяющих хлеб.

— Почему ты так преданна ей? — вдруг спросил он, оставляя пустую чашку. — Кольцовой. Что она дала тебе такого, чего ты не могла получить сама?

— Она дала мне цель, — ответила я, глядя в окно, где ветер качал верхушки сосен. — И семью. Когда у тебя ничего нет, такие вещи становятся бесценными.

Данил нахмурился. Он подался вперед, положив сильные руки на стол. В его взгляде промелькнуло что-то похожее на искреннее любопытство, лишённое его обычной насмешки.

— Расскажи мне, — тихо произнес он. — Каким было твое детство?

Я хотела съязвить, оттолкнуть его, но что-то в его голосе — какая-то странная, почти человеческая нотка — заставила меня заговорить.

Моё детство пахло не сахарной ватой и не сказками на ночь. В нашем доме слово «любовь» заменяли словом «соответствие». Я росла в бесконечной погоне за призраком идеала, который мои родители соорудили из своих несбывшихся амбиций.

— Лия, четверка за контрольную по алгебре? А почему не пять? Ты была невнимательна, — говорил отец, даже не поднимая глаз от газеты.

— Твоя осанка, Лия. Твои манеры. Девочка из приличной семьи не может позволить себе быть... обычной, — вторила мать.

Я старалась. Боже, как я старалась. Я расшибала локти в кровь, чтобы быть первой в спорте, я засыпала над учебниками, чтобы быть лучшей в классе. Я тянулась к ним, как растение к холодной лампе, надеясь на каплю тепла, на один одобряющий взгляд. Но мои усилия утекали сквозь пальцы как песок. Я всегда «почти» доходила до их идеала, но это «почти» было для них хуже провала.

Моя жизнь изменилась не потому, что я сама свернула на скользкую дорожку. Я не искала приключений, не бунтовала. Я всё ещё была той самой девочкой с заплетенными косами, которая мечтала о том, чтобы её просто обняли. Но однажды я оказалась не в то время и не в том месте. Случайная свидетельница, маленькая деталь в большой игре Дарьи Александровны. Я увидела то, что не должна. Потом она сделала со мной нечто более страшное и милосердное одновременно — она забрала меня к себе, чтобы я никому ничего не сказала.

Тогда я не понимала, что у меня не было выбора. Дарья Александровна мягко, но властно ввела меня в свой мир. Она окружила меня вниманием, которого я никогда не виде-

ла дома. Она смотрела на меня и видела не «почти идеал», а инструмент, который можно наточить. Она ставила задачи, и когда я справлялась, я впервые в жизни чувствовала себя нужной. Она вылепила из меня то, чем я являюсь сейчас, — свою правую руку, свою тень. В её мире — мире теней, мафии и жестких решений — я наконец-то нашла свое место. Она научила меня, что преданность не покупается оценками, она доказывается делом. Когда мне исполнилось восемнадцать, родители попытались «вернуть» меня. Они прислали официальное письмо, полное сухих упреков о «семейной чести». Я даже не дочитала его. Я просто сожгла его в пепельнице в кабинете Дарьи Александровны, глядя, как серый пепел оседает на ковер.

Я отказалась от них так же легко, как они когда-то отказывались от меня каждый день моего детства. Я сменила номера, адреса, саму свою суть. Они годами звонили, пытались найти каналы связи, когда поняли, что их «проект» стал опасным и влиятельным, но для меня их больше не существует.

Данил долго молчал, переваривая мои слова. Его взгляд скользнул по моим рукам, сжатым в кулаки, и на мгновение мне показалось, что он хочет коснуться моих пальцев. Но он лишь тяжело вздохнул.

— Знаешь... мы с тобой похожи больше, чем ты думаешь. Он встал, забирая пустую посуду. На мгновение он задер-

жался рядом со мной, и я почувствовала тепло, исходящее от его тела.

— Отдыхай. Попробуй не искать новых секретов в моем доме. Иногда правда ранит сильнее, чем неведение.

Он вышел из кухни, оставив меня наедине с остатками завтрака и странным, саднящим чувством в груди. Он не сказал, зачем я здесь. Не раскрыл своих планов. Но этим вопросом о детстве он сделал то, чего не смог сделать шторм — он заставил меня увидеть в нем человека. И это было самое страшное открытие за всё утро.

Глава 8

Клуб.

Я села за стол, готовясь ужинать. Передо мной дымился плов с курицей. Рис был зернышко к зернышку, золотистый от куркумы и пропитанный ароматом чеснока, а рядом, в красивой салатнице был салат «Цезарь». Я не спеша ела, наслаждаясь вкусной едой, приготовленной Анной. Аня тем временем заканчивала уборку на кухонной тумбе. Ей позволили.

— Да, — Аня прижала трубку к уху, мгновенно выпрямив спину. — Да, хорошо. Всё сделаю. Конечно, присмотрю. Будет исполнено.

Она бросила на меня короткий, странно сочувствующий взгляд. Когда звонок завершился, Аня сложила руки на фартуке и торжественно объявила:

— Лия Дмитриевна, Данил Сергеевич сегодня будет отсутствовать. Сказал, дела затянулись. — она замялась на секунду, а потом добавила. — И он настоятельно попросил меня посмотреть за вами. Чтобы вы... ну, были на виду.

Я чуть не подавилась сухарем из салата.

— Посмотреть за мной? — я медленно отложила вилку, чувствуя, как внутри закипает возмущение. — Он серьезно? Я что, пятилетний ребенок, который может засунуть пальцы в розетку?

У меня за всю жизнь опыта на три пожизненных срока, а он нанимает няньку с поварешкой.

— Он просто беспокоится, — примирительно пробормотала Аня, но я уже не слушала.

Мое «самостоятельное я» внутри метало молнии. Значит, «дела затянулись»? Присматривать за мной? Пока я тут сижу, он решает серьезные проблемы?

Аня ушла в подсобку, что-то ворча себе под нос, и забыла на столе свой рабочий блокнот, где она записывала поручения. Я, чисто из профессионального любопытства, скользнула взглядом по открытой странице. Последняя строчка была выведена размашистым почерком:

«Забронировать стол. Бар "Черный лебедь". 20:00. Сопровождение не требуется»

— Ах, значит, «дела», — прошипела я, чувствуя, как азарт и легкая обида смешиваются в опасный коктейль. — Значит, каша и нянька для Лии, а для Данила Сергеевича — виски и «Черный лебедь»?

Сидеть здесь и ждать, пока мне почитают сказку на ночь, было выше моих сил. Через десять минут я уже стояла в прихожей.

Мне очень хотелось утереть нос Данилу, поэтому приняла такое решение, что я поеду в этот бар, по выпендриваюсь перед ним, он будет очень зол, и свалю к себе домой. Там ведь столько людей! Не найдет.

Я накинула черную кожаную куртку и тихо выскользнула

за дверь. Если Данил Сергеевич так хотел, чтобы за мной присматривали, то он получит это. Только присматривать сегодня буду я.

Выйдя за ворота, я поняла, что до города мне идти и идти, а мои легкие кроссовки явно не были предназначены для такой погоды и расстояний. Прекрасно, Лия. Сначала делаю, потом только думаю. Вот надо было Вольфу строить дом в лесу каком-то?!

Минут через двадцать активного передвижения между соснами я наконец выбралась к трассе. Фонари светили тускло, а лес за спиной шелестел так, будто обсуждал что-то. Я встала у обочины, надеясь, что кто-то остановит и подвезет меня. Такси я не могла вызвать, нет адреса.

Мне повезло. Минут через пять притормозила аккуратная малолитражка. Стекло опустилось, и на меня глянула симпатичная женщина лет тридцати пяти с добрыми, но подозрительно любопытными глазами. Я выдохнула. Ехать в закрытом пространстве с каким-нибудь «четким пацаном» на тонированной девятке мне хотелось меньше всего — профессиональные привычки заставляли в каждом мужчине видеть потенциальную угрозу или объект для броска через плечо.

— Девушка, вам куда? — звонко спросила она.

— В город, если можно. К «Черному лебедю», — я постаралась придать лицу максимально невинное выражение.

— Ого! — женщина присвистнула и кивнула на пассажирское сиденье. — Прыгай. Нам по пути.

Я села, и машина тронулась. В салоне пахло лавандовым освежителем. На салонном зеркале висел брелок собачки. Моя спасительница, которую, как выяснилось через три минуты, звали Лена, оказалась из той категории людей, которые за одну поездку успевают рассказать биографию своей кошки и выпросить твою.

— А зачем тебе в такой бар? — Лена покосилась на меня, перестраиваясь в левый ряд. — Там же цены — как путевка в Мальдивы.

— Да так... знакомый там один, — неопределенно ответила я, глядя в окно на мелькающие огни.

— Парень, что ли? — Лена понимающе заулыбалась, аж подмигнула. — Поссорились? Решила устроить ему сюрприз и проверить, не слишком ли много он там пьет?

Я едва сдержалась, чтобы не закатить глаза так сильно, чтобы увидеть собственный мозг. Да почему всегда парень-то?! Почему никто не может предположить, что я еду туда, чтобы, например, выпить и встретиться с друзьями или просто профессионально набить кому-нибудь лицо за из-

лишнюю опеку? Но я только выдавила кривую усмешку.

— Вроде того.

— Ой, милочка, они все такие! — Лена пустилась в пространные рассуждения о мужской инфантильности, а я прикрыла глаза, мечтая о тишине.

Когда мы наконец затормозили у сверкающего неоном входа, я поблагодарила Лену и вышла.

«Черный лебедь» оправдывал свое название. Это было не просто заведение, это был храм пафоса и излишеств. Зеркальные стекла, массивные двери, у которых стояли два огромных охранника с лицами, высеченными из гранитного булыжника. У входа толпились лакированные автомобили, стоимость каждого из которых равнялась бюджету небольшого африканского государства.

Бар славился тем, что сюда не заходили «просто выпить». Здесь проворачивали сделки, заводили нужные знакомства и тратили деньги.

Я поправила куртку, стерла остатки лесной грязи с ботинка и направилась к дверям. Внутри меня все еще кипело возмущение: Данил Сергеевич думал, что я буду сидеть дома и доедать салат, пока он тут наслаждается атмосферой «дорого-богато»? Ну уж нет.

Я подошла к массивным дверям, и пара «шкафов» в идеально сидящих костюмах синхронно преградила мне путь. Тот, что был чуть пошире в плечах, окинул меня таким взглядом, будто я была пятилетним ребенком.

— Девушка, закрытое мероприятие. Вход по спискам, — его голос был сухим.

— Я в курсе, — ответила я, максимально копируя ледяной тон Данила Сергеевича. — Я к Вольфу. Он меня ждет.

Охранник усмехнулся — едва заметное движение уголков губ, полное пренебрежения.

— Все к нему. Но в списке вас нет. И дресс-код, знаете ли... — он выразительно посмотрел на мою кожанку. — У нас тут не байк-шоу.

Я почувствовала, как пальцы сами собой сжались в кулаки. Мне стоило больших усилий не продемонстрировать ему парочку приемов из арсенала «как уложить амбала за три секунды». Вместо этого я сделала шаг вперед, сокращая дистанцию до минимума. Это был чистый психологический прием — войти в личное пространство, заставить его почувствовать угрозу, которую он не может объяснить.

— Послушай, — тихо, почти шепотом произнесла я, глядя ему прямо в глаза. — Если ты сейчас меня непустишь, через пять минут Шрам выйдет сюда сам. И поверь, он будет очень недоволен тем, что ты заставил его личную... помощницу мерзнуть на улице. Ты ведь знаешь, какой у него характер, когда его отвлекают от дел?

Охранник на секунду замер. Он явно пытался сопоставить мой дерзкий вид и ту уверенность, с которой я произносила имя, судя по всему, очень важного гостя. Второй охранник, который до этого молчал, что-то быстро прошептал в микрофон на воротнике.

Секунд десять длилась дуэль взглядов. Наконец, в его наушнике что-то щелкнуло. Он нахмурился, снова оглядел меня — на этот раз с легким оттенком сомнения — и медленно отступил в сторону.

— Проходите. Но если устроите проблемы — вылетите быстрее, чем успеете заказать воду.

— О, проблем не будет, — я ослепительно улыбнулась, проходя мимо него. — Я сама — решение всех проблем.

Как только двери за мной закрылись, меня накрыла волна тяжелого, дорогого люкса. Полумрак, подсвеченный янтарными огнями, звон хрусталя, приглушенный джаз и запах духов, цена которых могла бы оплатить мой перелет в один конец до Бали.

Людей в «Черном лебеде» было — не протолкнуться. Густой, вибрирующий бас прошивал воздух насквозь, заставляя внутренности дрожать в такт музыке. Вспышки неоновых световых выхватывали из темноты то чье-то обнаженное плечо, то сверкание бриллиантов, то взмахи холеных рук. Я честно пыталась высмотреть Данила среди этого хаоса масок и дорогих костюмов, но толпа поглощала всех без разбора.

В какой-то момент я замерла у колонны и почувствовала, как во мне закипает глухое раздражение, которое тут же сменилось неожиданным пофигизмом. А собственно, зачем он мне сдался? Бегаю за ним как привязанная, плов бросила, через лес тащилась... А он, небось, уже в вип-зале с какой-нибудь моделью коньяк за миллион дегустирует. Я тоже человек. В конце концов, в такие места меня по работе не водят, а за свой счет я сюда и зайти побоюсь, а с картой Данила – все можно. Сам виноват, что он мне ее дал. «На всякий случай» говорил он.

Я решительно направилась к барной стойке — массивному монолиту из черного мрамора. Бармен, парень с каштановыми волосами, вопросительно приподнял бровь.

— Лимонад, — четко произнесла я, перекрывая музыку. — И сделайте его безалкогольным.

Бармен кивнул. Пока я ждала, рассматривая свое отражение в зеркальной стене, на соседний высокий стул буквально рухнула девушка.

От нее пахло смесью дорогих духов, а на лбу поблескивали капельки пота. Светлая челка прилипла к вискам, платье на тонких бретельках сползло, но её это, кажется, совершенно не волновало. Похоже она танцевала долго.

Блондинка повернулась ко мне и расплылась в широкой, немного пьяной, но чертовски обаятельной улыбке.

— Привет! — крикнула она, перекрывая очередной бит. — А ты чего такая хмурая? Как будто на экзамен пришла,

а не в «Лебедь»!

— Просто присматриваюсь, — отозвалась я.

— Хватит присматриваться! Тут смотреть не на что, тут чувствовать надо! — Она махнула рукой в сторону танцующей толпы. — Погнали танцевать? Там такой диджей сегодня, он просто душу вынимает!

В этот момент бармен поставил передо мной запотевший бокал с лимонадом и веточкой мяты. Блондинка посмотрела на мой напиток, потом на меня, и её глаза округлились от искреннего ужаса.

— Это что... лимонад? Серьезно? — Она рассмеялась, хватаясь за край стойки. — Нет, дорогая, так дело не пойдет. Ты слишком красивая, чтобы пить воду с сахаром в такую ночь. Сегодня мы будем жечь.

Она стрельнула глазами бармену и что-то быстро ему прошептала. Я хотела возразить. Я не пью алкоголь, да и Данила искать надо, а не танцевать... Стоп, что я снова так переживаю?

— Ладно, — выдохнула я, чувствуя, как внутри расслабляется какая-то пружина. — Один танец.

— Вот это по-нашему! — блондинка схватила меня за руку, её ладонь была горячей. — Меня Марго зовут, кстати.

Она потянула меня в самую гущу людей. Марго двигалась неистово, как будто внутри неё работал вечный двигатель, и я, сама того не замечая, поддавалась этому ритму. Жар бил в лицо, неоновые лучи резали полумрак, превращая людей в мечущиеся тени. Адреналин от танца смешался с усталостью, и когда мы, запыхавшиеся и мокрые, через полчаса вернулись к бару, я едва стояла на ногах.

— Во-о-от! — Марго торжествующе ткнула пальцем в мою сторону, пытаясь отдышаться. — Видишь? А ты «лимонад, лимонад»...

На стойке нас уже ждали два бокала. Внутри колыхалась подозрительно красивая жидкость ярко-бирюзового цвета с россыпью ледяной крошки.

Я замерла. Всю свою сознательную жизнь я была против алкоголя. В моей работе ясная голова — это единственный шанс выжить. Алкоголь — это слабость, это потеря контроля, это брешь в броне. Я всегда презирала тех, кто заливает проблемы спиртным. И я не перестану это повторять.

— Марго, я не пью. Принципиально, — мой голос прозвучал неуверенно даже для меня самой.

— Ой, да брось свои принципы в сумочку и застегни её! — Марго подтолкнула ко мне бокал. — Это просто «Голубые Гавайи». Там сока больше, чем всего остального. Один глоток — за знакомство. Или ты боишься, что я тебя перепью?

Она хитро прищурилась, взяла свой бокал и лихо осушила его наполовину.

Я посмотрела на бокал. Яркий, манящий, холодный. В голове промелькнула мысль о Даниле, который сейчас наверняка наслаждается жизнью, пока я тут «мысли заумные» гоняю. Злость на него, на этот дурацкий день и на вечное напряжение перевесила.

Один раз не считается.

Я взяла бокал и сделала глоток. Сначала — сладость ананаса и прохлада, а потом... потом по горлу разлилось обжигающее тепло. Оно было странным, непривычным, но чертовски приятным. Оно мгновенно расслабило плечи, которые ныли от вечного ожидания удара.

— Ну как? — Марго сияла.

— Неплохо, — выдохнула я, чувствуя, как мир вокруг стал чуть менее колючим.

Через десять минут бокалы опустели. Потом на стойке появились какие-то шоты — маленькие, разноцветные, похожие на конфеты.

— За свободу! — крикнула Марго, всовывая мне в руку рюмку.

Я выпила. Потом еще одну. И еще.

Принципы Лии? Они остались где-то там, в лесу. Теперь была только музыка и Марго, которая за пять минут стала мне роднее, чем все бывшие коллеги.

Мир начал медленно, но, верно, терять четкие контуры.

Стойка бара стала казаться мягкой, а свет ламп — невероятно красивым. Мы снова пошли танцевать, но теперь это больше походило на попытки удержаться на плаву в шторм. Мы сталкивались с людьми, хохотали до икоты, а когда ноги окончательно отказались подчиняться, буквально приползли обратно к бару.

— Знаешь... — я облокотилась на стойку, чувствуя, что моя голова весит не меньше тонны. — А Даня... он вообще... ну такой... серьезный слишком. Бесит меня прям...

— Кто такой Даня? — Марго пыталась сфокусировать взгляд на моей переносице. — Забудь про Даню! Давай еще по одной... за тех, кто в море!

— За море! — согласилась я, неся полный бред.

Перед глазами всё плыло. Я видела две Марго, три бармена и примерно бесконечное количество бутылок. Грохот музыки превратился в сплошной гул. В какой-то момент я поняла, что сижу на полу, прислонившись спиной к чьим-то ногам, а Марго рядом пытается спеть что-то из классики рока, но получается только невнятное мычание.

Мы перепили. И не просто «чуть-чуть», а до состояния, когда ты становишься себе личным врагом. Контроль был потерян окончательно, а Данил Сергеевич... ну, если бы он сейчас прошел мимо, я бы, наверное, просто предложила ему свой пустой бокал.

Я тянулась за стаканом, который, казалось, уплывал от меня в другое измерение. Пальцы не слушались, они были ват-

ными и чужими. Музыка больше не радовала — она превратилась в методичные удары молотом по черепу.

«Зачем... зачем я это сделала?» — билась единственная связанная мысль.

Мир вокруг окончательно рассыпался на цветные пиксели. Марго где-то рядом что-то бессвязно шептала, но я её уже не слышала. Я просто хотела, чтобы пол перестал качаться. Хочу домой. Хочу спать.

И тут сквозь этот неоновый туман проступил силуэт. Высокий, темный, неподвижный. Он стоял прямо передо мной.

— Ой, Вольф? — пробормотала я, пытаюсь сфокусировать взгляд, но получалось плохо. — Приветик...

Я зажмурилась, понимая, что, когда открою глаза, передо мной снова будет пустой бар, и все это мне просто кажется. Но вместо этого я почувствовала на своем лице чужие, холодные ладони.

— Лия, посмотри на меня! — голос Данила разрезал гул клуба как скальпель.

Я попыталась мотнуть головой, но он зажал мое лицо в своих руках. Его пальцы впились в мои щеки. А потом последовали хлесткие, но не сильные удары. В глазах на мгновение прояснилось, и я увидела его взгляд. В нем не было привычной насмешки. Челюсти были сжаты так сильно, что на скулах ходили желваки.

— Ты хоть соображаешь, что ты сделала? — процедил он, но при этом его пальцы, продолжавшие держать мои щеки,

едва заметно подрагивали.

Он не ждал ответа. Данил резко обернулся к бармену, и тот, побледнев под его взглядом, тут же отставил в сторону бутылку, которую собирался открыть. Одним резким движением Данил смахнул мой недопитый стакан со стойки — тот со звоном разлетелся где-то внизу.

— Вставай, — скомандовал он.

Я попыталась опереться на стойку, но ноги превратились в вату. Мир снова качнулся, и я начала заваливаться назад. Я ожидала удара о холодный пол, но вместо этого почувствовала, как его рука стальным обручем перехватила мою талию, прижимая к себе. Мои пальцы судорожно сжимали лацканы его пиджака — белокурый был единственной твердой точкой в этом качающемся мире.

Вдруг прямо за барной стойкой, над рядами дорогих бутылок, раздался сухой, электрический треск. Короткая голубая вспышка полоснула по глазам, а через мгновение за спиной бармена посыпались искры. Одна из них попала на пролитый алкоголь, и пламя, будто только того и ждало, с ревом взметнулось вверх.

— Ой... — прошептала я, наблюдая, как огонь мгновенно перекидывается на деревянные полки.

Звук лопающегося стекла смешался с внезапно смолкшей музыкой. В следующую секунду свет в зале погас, оставив нас в пугающем оранжевом полумраке, который разрезали только языки пламени. Кто-то закричал. Толпа, секунду на-

зад танцевавшая, превратилась в обезумевшую массу, которая ломанулась к выходу.

Я ничего не понимала. В голове стоял гул, перед глазами всё плыло. От резкого жара и едкого запаха гари меня охватил парализующий ужас. Я только сильнее вжалась в Даню, пряча лицо у него на груди. Мне казалось, что если я отпущу его хотя бы на миг, пламя поглотит меня.

— Лия, не отпускай!

Он не стал ждать, пока я приду в себя. Даня резко развернулся, закрывая меня своей спиной от жара, исходящего от стойки. В воздухе уже летали куски горящей обивки. Он обхватил меня за талию так сильно, что я почти перестала чувствовать ноги, и буквально рванул сквозь толпу.

— Голову вниз! — скомандовал он.

Дым начал заполнять пространство под потолком, опускаясь всё ниже. Даня действовал жестко: он плечом расталкивал людей, которые в панике преграждали путь, не давая никому сбить нас с ног. Я чувствовала, как его сердце колотится под моими пальцами — быстро, ритмично, но без тени паники.

Сверху что-то грохнуло — огромная люстра, не выдержав жара, рухнула в паре метров от нас, разлетаясь на тысячи искрящихся осколков. Я вскрикнула, зажмурившись, но Даня даже не замедлил шаг. Он рывком перекинул меня через какое-то препятствие, кажется, опрокинутый столик, и я почувствовала, как в лицо ударил первый поток относительно

прохладного воздуха из коридора.

— Еще немного, лисенок, держись, — прохрипел он.

Он буквально вынес меня через служебный вход, подальше от главного выхода, где образовалась давка. И только когда под подошвами вместо липкого пола клуба оказался холодный асфальт переулка, он наконец остановился.

Холодный ночной воздух ударил в легкие, заставляя меня закашляться. После едкого дыма и удушающего жара бара, эта прохлада казалась почти болезненной. Колени окончательно подогнулись, и я бы просто осела на грязный асфальт переулка, если бы Даня не прижал меня к кирпичной стене здания, удерживая за плечи. Мне стало еще хуже.

Он тяжело дышал. Его лицо, испачканное сажей, в свете тусклого уличного фонаря выглядело хищным и пугающим. Рубашка на груди была расстегнута, а по виску текла тонкая струйка пота, оставляя чистый след на закопченной коже.

— Смотри на меня! — приказал он, встряхнув меня. — Лия, глаза открой!

Я с трудом подняла веки. Перед глазами всё еще плыли цветные пятна, а в ушах стоял гул от криков и треска пламени. Я видела его зрачки — расширенные, дикие. В них всё еще полыхали отблески того ада, из которого он меня только что вырвал.

— Я... Я в порядке, — прошептала я, хотя голос сорвался на хрип. — Даня, ты... у тебя рука...

Я заметила, что рукав его пиджака обгорел, а на тыльной

стороне ладони вздулся ожог. Видимо, когда та люстра рухнула, он закрыл меня собой.

— Плевать на руку, — отрезал он, и в его голосе прорезалась ярость. — О чем ты думала, черт возьми?! Какого черта ты делала в баре? А если бы я нашел тебя позже? Ты хоть понимаешь, что я мог тебя не найти в этом дыму?

Его пальцы впились в мои плечи почти до боли. Он был в ярости. Я почувствовала, как по моим щекам потекли слезы, смывая копоть.

— Прости...

Даня резко выдохнул, глядя на меня сверху вниз. Его взгляд на мгновение смягчился, скользнул по моим губам, а затем он внезапно притянул меня к себе, зарываясь лицом в мои волосы, пропахшие гарью. Он обнял меня. Я чувствовала, как бешено колотится его сердце, отдаваясь в моей груди.

— Идиотка, — глухо повторил он мне в макушку. — Маленькая, глупая идиотка.

Где-то вдалеке завывали сирены пожарных машин и скорой помощи. Улицу заполнили отсветы мигалок. Нам нужно было уходить, пока нас не заблокировала полиция или пресса.

— Идем, — он отстранился, но не выпустил мою руку. Его ладонь, горячая и надежная, сжала мои пальцы. — Машина за углом. Дома придешь в себя.

Он повел меня к своей машине, и я шла за ним, абсолютно опустошенная и ничего до конца непонимающая из-за алкоголя. Но одно я понимала точно: он спас меня.

Глава 9

Злая лисица.

Я приоткрыла глаза и тут же зажмурилась — виски пронзила острая, пульсирующая боль.

Я лежала на кровати в уже слишком теперь знакомой мне спальне. В голове было пусто, как после сильного удара. Последнее, что я помнила — это удушливый дым, крики. А дальше — темнота. Провал. Сколько же я вчера выпила?

Я попыталась подняться, опираясь на локти. Комната тут же поплыла перед глазами, а к горлу подступила тошнота. С трудом сев на край кровати, я дождалась, пока мир перестанет вращаться, и медленно встала. Ноги были ватными, словно чужими. Кое-как я вышла в коридор.

Особняк встретил меня тишиной, нарушаемой только тихим звоном посуды снизу. Держась за перила и стараясь не делать резких движений, я спустилась на первый этаж.

На кухне возилась Анна. Она сосредоточенно мыла посуду, но, услышав шаги, тут же обернулась. Её лицо мгновенно изменилось, отражая искреннее беспокойство. Она вытерла руки о передник и поспешила ко мне.

— Лия Дмитриевна! Ну зачем же вы встали? Вам бы еще полежать, бледная совсем, — Аня осторожно придержала меня за плечо, не давая пошатнуться.

— Что-то мне не хорошо... — прошептала я.

Стены начали медленно съезжаться, а пол уходит из-под ног. В глазах потемнело, и я уже приготовилась к жесткому удару о мрамор. Но падения не случилось.

Сильные руки подхватили меня поперек талии, прижимая к твердому, горячему телу. Резкий, знакомый запах ванили ворвался в сознание, проясняя его лучше любого нашатыря.

— Я держу, — негромкий, вибрирующий голос Дани раздался прямо над моим ухом.

Он легко подхватил меня под колени и пересадил на кухонный стул, не разрывая контакта. Одна его рука всё еще поддерживала меня за спину, а вторая легла на мой лоб, проверяя температуру.

— Анна, принеси стакан воды и ту аптечку, что я оставил в кабинете, — бросил он через плечо, не сводя с меня пристального, тяжелого взгляда.

— Сейчас, Даниил Сергеевич, сию минуту! — Аня тут же испарилась, гремя чашками.

Даня опустился на корточки передо мной, чтобы наши глаза оказались на одном уровне. На нем была простая черная футболка, открывающая бинты на правой руке. Его лицо выглядело уставшим, под глазами залегли тени, но взгляд был серьезным.

— Ты помнишь, как мы приехали? — тихо спросил он.

Я покачала головой, чувствуя, как каждое движение отдается тупой болью в висках. Я правда не помнила. Почти ничего. Не помнила сколько пила, как танцевала, как вообще что-либо произошло дальше. Только кусочки фрагментов, и то затуманенные.

— Нет. Помню только отдаленно какой-то переулок... и звук сирены.

— Ты отключилась в машине, — он едва заметно усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья. — Твой организм решил, что на вечер впечатлений достаточно. Плюс два литра коктейлей и порция дыма.

Он протянул руку и аккуратно убрал выбившуюся прядь с моего лица. Его пальцы были прохладными и сухими, и от этого прикосновения по моей коже пробежала дрожь.

— Лейка, — его голос стал серьезнее. — Вчерашнее... это был не просто несчастный случай. Короткое замыкание в баре — слишком вовремя.

— Какая я тебе «лейка»? — возразила я, а потом до меня дошли его последние слова — Ты хочешь сказать, что... что кто-то хотел?..

— Я хочу сказать, что теперь ты не выйдешь из этого дома без моего ведома, — отрезал он, и его глаза снова превратились в два холодных куска льда. — Ты чуть не сгорела там по

моей вине, потому что я не уследил. Больше я такой ошибки не совершу.

В этот момент вернулась Анна с подносом. Даня взял стакан и поднес его к моим губам.

— Пей. Медленно. А потом мы поедem к врачу.

Я сделала глоток, и посмотрела на его забинтованную руку. Хоть о нем я и не так сильно волновалась, но ради приличия сказала:

— Тебе тоже нужен врач, Даня.

В этот момент тишину кухни разрезал резкий голос диктора из гостиной — там работал телевизор.

Даня не сводил с меня глаз, но я инстинктивно повернула голову на звук. На экране мелькали кадры, от которых кровь застыла в жилах: обугленный скелет здания и яркие ленты полицейского ограждения. Это был тот самый бар.

— «...пожар, вспыхнувший вчера поздно вечером в популярном заведении в центре города, полностью локализован», — рассказывала журналистка на фоне пепелища. — «По предварительным данным экспертов пожарной лаборатории, причиной трагедии стала неисправная электропроводка. Старые кабели не выдержали нагрузки, что привело к короткому замыканию в подсобном помещении...»

Я замерла со стаканом в руках. «Проводка?» Но Даня только что сказал, что это был поджог. Что нас хотели убить. Я перевела взгляд на него. Он даже не взглянул на экран — официальная ложь, похоже, не была для него сюрпризом.

Даня медленно выпрямился, возвышаясь надо мной. Тень от его фигуры полностью накрыла меня, создавая иллюзию защищенного кокона.

— Проводка, — почти бесшумно повторил он. — Как удобно.

Он резко отставил стакан в сторону и посмотрел на часы.

— Вставай, — сказал он. — Тебе нужно в больницу. Провериться. Ты наглоталась угарного газа, и я хочу, чтобы тебя осмотрели лучшие врачи.

— Данил, я в порядке, просто голова немного... — начала я, но он не дал мне договорить.

Он подошел вплотную и обхватил мое лицо ладонями.

— Это не просьба. Мы едем в частную клинику. Мой водитель уже ждет у входа.

— А как же ты? — я коснулась его забинтованной руки. — Твой ожог...

— Со мной всё будет хорошо, — отрезал он, но на секунду задержал дыхание от моего прикосновения. — Сейчас главное — ты. Иди переодевайся. Аня подготовила вещи. У нас мало времени.

Частная клиника встретила нас тишиной. Здесь не было очередей и суеты — только приглушенный шепот персонала и запах антисептика. Даня шел впереди, и охранники на входе лишь молча склоняли головы, пропуская его без лишних вопросов.

— Лия Дмитриевна, проходите в кабинет номер четыре, доктор Аристов уже ждет вас для обследования легких, — вежливо произнесла подошедшая медсестра.

Я обернулась к Данилу. Он прижал телефон к уху — аппарат в его руке вибрировал не переставая. Лицо его было серым от усталости, но глаза по-прежнему горели темным, недобрый голубым огнем.

— Иди, — бросил он мне, прикрывая микрофон ладонью. — Мне нужно ответить на этот звонок. Это по поводу «проводки».

Я кивнула и зашла в кабинет. Обследование тянулось бесконечно долго: спирометрия, анализы, рентген. Доктор Аристов, пожилой мужчина с цепким взглядом, качал головой, изучая снимки, но заверял, что серьезных повреждений нет.

— Вам нужно поставить капельницу с детокс-раствором, — сказал он, указывая на ширму в углу. — Полежите полчаса, и станет легче.

Когда доктор вышел, чтобы подготовить препарат, я осталась одна. Тишина в кабинете начала давить на уши. Я подошла к окну, глядя на пустую парковку. Вдруг дверь кабинета тихо скрипнула.

— Данил? — позвала я, оборачиваясь.

Но это был не он. В кабинет вошел рослый мужчина в белом халате, лицо которого наполовину закрывала медицинская маска. Его глаза — холодные, водянистые — не выражали ничего, кроме делового интереса.

— Доктор Аристов занят, я поставлю вам катетер, — глухо произнес он.

В его движениях было что-то неправильное. Слишком резкие, слишком уверенные. И обувь — на нем были тяжелые армейские ботинки, которые никак не вязались с образом врача. Это подстава.

— Где врач? — я инстинктивно попятилась к стене. — Кто вы?

— Врач очень занят, его позвали на прием к пациенту. К пациенту, у которого гораздо все хуже, чем у вас, — мужчина вытащил из кармана небольшой шприц с прозрачной жидкостью. — Не кричите, Лия. Сделаем всё быстро, и вы просто уснете.

Он сделал шаг ко мне. Пульс забарабанил в висках. Данил был всего в тридцати метрах отсюда, за двумя тяжелыми дверями, обсуждая предательство своих людей, пока настоящая опасность уже тянула ко мне руки.

Я схватила со стола тяжелый металлический лоток с инструментами и замахнулась.

— Попробуй только, подойди! — мой голос сорвался на хрип.

Мужчина лишь усмехнулся, медленно снимая маску.

— Вольф всегда выбирал красивых, но глупых. Ты ведь понимаешь, что отсюда нет другого выхода?

— Ты обалдел меня глупой называть?!

Мужчина сделал резкий выпад, отбросив напускную вежливость. Шприц в его руке блеснул под лампами дневного света.

Я не стала ждать. С диким криком, в котором смешались ужас и ярость, я швырнула металлический лоток ему прямо в лицо. Грохот инструментов о кафель был оглушительным. Пока он на секунду закрылся рукой от летящих зажимов, я рванулась к манипуляционному столику.

Пальцы наткнулись на холодную сталь. Скальпель. Маленький, невероятно острый и пугающий.

— Не подходи! — я выставила лезвие перед собой, тяжело дыша.

— Глупая девчонка, — прошипел неизвестный, сокращая дистанцию. — Ты только делаешь себе хуже.

Он попытался перехватить мою руку. Когда его пальцы сомкнулись на моем запястье, я резко дернулась и полоснула сталью по его предплечью. Белый халат мгновенно окрасился ярко-алым.

Мужчина взвыл от неожиданности и боли, выпуская мою руку. В этот же миг дверь в кабинет не просто открылась —

она буквально влетела внутрь, ударившись о стопор с такой силой, что посыпалась штукатурка.

На пороге стоял Данил. Его телефон лежал на полу в коридоре — видимо, он отбросил его, как только услышал шум в палате.

— Уйди от неё, — голос Дани был пугающе тихим, низким, вибрирующим от ярости.

Похититель, прижимая раненую руку к груди, попытался выхватить что-то из-за пояса, но Данил оказался быстрее. В два прыжка он пересек комнату. Последовал глухой удар, затем звук ломающейся кости. Мужчина в халате рухнул на колени, а затем и на пол. Даня навис над ним, методично и жестоко нанося удары, пока тот не перестал сопротивляться.

— Вольф! Хватит! Ты убьешь его! Нам же хуже, — закричала я, выронив окровавленный скальпель.

Он замер. Его руки были в крови, грудь тяжело вздымалась. Белокурый обернулся ко мне, и на мгновение в его глазах еще плескалось безумие боя, но, увидев меня он мгновенно смягчился.

Даня бросился ко мне, прижимая к себе так крепко, что стало трудно дышать.

— Ты в порядке? Он тронул тебя? Скотина, как я мог упустить... — его голос дрожал от напряжения.

— Я его порезала... — прошептала я, утыкаясь ему в пле-

чо. Я пыталась аккуратно выбраться из его объятий, но мне он этого сделать не дал. — Он хотел усыпить меня.

— Клянусь, он позавидует мертвым, — прорычал Даня, бросив короткий взгляд на стонущее тело на полу. — Мои люди уже здесь.

Он вывел меня из кабинета за руку, игнорируя сбегающий персонал. В дверях показались охранники клиники и перепуганный доктор Аристов, за спинами которых толпились медсестры. Увидев разгром в кабинете, кровь на полу и Даню, который тяжело дышал, прижимая меня к себе, Аристов побледнел.

— Даниил Сергеевич... что здесь произошло? Мы услышали шум... — голос доктора дрожал.

— Что произошло? — Даня вскинул голову, и в его глазах вспыхнула такая ярость, что охрана клиники непроизвольно сделала шаг назад. — В вашей «элитной» клинике, где безопасность стоит как крыло самолета, на пациентку вашу напали. Этот ублюдок был в вашей форме!

Даня кивнул на стонущего на полу похитителя. Один из охранников подошел к мужчине и сорвал с него маску.

— Это не наш сотрудник, — прошептал охранник. — Я его никогда не видел.

— Осмотрите её! Живо! — приказал Даня, усаживая меня на кушетку, но не выпуская моей руки. Его ладонь была горячей и влажной от адреналина.

Врачи засуетились. Аристов дрожащими руками проверил мой пульс, осмотрел царапины на запястьях и убедился, что я не ранена серьезно. Я сидела как в тумане, глядя на окровавленный скальпель, который всё еще лежал на полу. Я смотрела на свои руки, и в голове набатом билась одна мысль: я теряю хватку.

Запах крови всегда был для меня чем-то обыденным, почти родным. Я сама — порождение этой системы, часть мафии, её тень и её карающая рука. Я убивала. Делала это хладнокровно, расчетливо, не глядя в глаза. Но раньше... раньше я была стрелком. А теперь, рядом с Вольфом, я превратилась в самую желанную мишень.

Ирония ситуации жгла изнутри. Эти люди — шестерки, мстители, тени из прошлого — они ведь не меня хотят уничтожить. Им плевать, кто я и сколько жизней на моем счету. Для них я просто слабое место Вольфа. Рычаг, на который можно надавить, чтобы, как они думают, сломать его. Они пытаются добраться до него через меня, и это происходит всё чаще.

Рядом с ним я совершила самую страшную ошибку для себя — я расслабилась. Позволила себе на мгновение забыть,

что в нашем мире тишина — это лишь затишье перед бойней. Я что-то привыкла к его защите, привыкла к тени, которую он отбрасывает, и мой собственный инстинкт самосохранения заснул, убаюканный ложным чувством безопасности.

Сегодняшняя стычка стала ледяным душем. Если бы не этот чертов скальпель, случайно оказавшийся под рукой... В рукопашную я бы не вывезла. Мои движения стали медленнее, реакция почти пропала.

— С Лией Дмитриевной всё будет хорошо, — прервал мои мысли Аристов, промокая пот со лба. — Но этому человеку... — он взглянул на нападавшего, — нужна срочная помощь. У него перелом челюсти и, кажется, разрыв связок.

— Помощь ему окажут мои люди, — отрезал Даня. — Они уже на парковке. В полицию заявлять не советую, Аристов. Ты же знаешь, я не люблю официальных протоколов. Мы сами во всем разберемся.

Даня поднял меня на руки, словно я ничего не весила.

— Мы уезжаем. Сейчас же.

— Но капельница... детокс... — попытался вставить доктор.

— Сделаете это у меня дома. Собирайте оборудование, берите медсестру, которой доверяете, и за мной. Если через десять минут вас не будет в машине — пеняйте на себя.

Мы вышли из клиники через черный ход. Воздух на улице показался мне невероятно сладким после запаха спирта и крови. Даня аккуратно усадил меня в бронированный внедорожник, захлопнул дверь и сел рядом, тут же набирая чей-то номер.

— Готовьте дом. Усилить периметр. И найдите мне того, кто слил график. Я хочу его голову на блюде до рассвета.

Приехав домой, меня сразу же уложили на диван первого этажа. Врач и медсестра начали процедуру. Капельница — это мерзко. Я смотрела на иглу с большим подозрением.

— Ну всё, — сухо констатировал врач, закрепив пластырь.

Я лишь фыркнула. Из кабинета Данила доносился его голос. Он с кем-то ругался по телефону. Данил в гневе — это отдельный вид искусства, с которым лучше не сталкиваться. По крайней мере так говорили окружающие. Его боялись, может даже и не уважали, но не позволяли себе сказать лишнего в его сторону.

Когда экзекуция наконец закончилась, мне больше не тревожили.

— Вот, Лия Дмитриевна, — появилась Анна в комнате, ставя на столик поднос.

Она принесла кружку с чаем. Чай пах травами и спокойствием. Рядом примостилась баночка малинового варенья и тарелка с овсяным печеньем.

Я зарылась в плед, превратившись в огромный и очень недовольный кокон. Щёлкнул пульт. Мультки.

Взрослые люди смотрят новости или аналитические шоу. Люди вроде меня смотрят, как кот пытается поймать мышь уже сорок лет и терпит фиаско. Это стабильность. Это база. В раннем детстве мама всегда включала мне их перед сном. Тогда мир казался огромным коробком с леденцами.

Экран мерцал, Том в очередной раз получил сковородкой по физиономии, а мои веки слипались. Малиновое варенье оставило сладкое послевкусие, тепло пледа убаюкивало... Я уже почти провалилась в сон, но мне послышался незнакомый голос с коридора.

Я, проигнорировав это, лишь плотнее закуталась в плед. Мне было слишком лень нарушать свою уютную изоляцию, ради этого гостя.

Мультки продолжались. Мышь как раз закладывала динамит под рояль. В самый кульминационный момент, когда на экране мышонок Джерри подорвал целую гору динамита и гостиную заполнил мультяшный «БА-БАХ!», прямо над моим ухом раздалось приглушённое, но крайне ехидное:

— Бу!

Я подпрыгнула так, что овсяное печенье едва не свалилось на пол. Обернувшись, я увидела незнакомца. Напротив ди-

вана стоял парень, и, честно говоря, если бы я не была так занята попытками вернуть сердце из пяток обратно в грудную клетку, я бы признала, что он чертовски хорош собой. Темные, как вороново крыло, волосы были художественно растрепаны, а глаза... Боже, это были не глаза, а два огромных граненых изумруда, которые буквально светились от плохо скрываемого веселья. Он не просто улыбался — он сиял.

— А это кто у нас тут такая притаилась? — он прищурился, окидывая взглядом мой «штаб» из подушек, баночку малинового варенья и мой боевой раскрас из крошек на щеке. — Новая девчуля для развлечений?

— Я не девчуля для развлечений, — отрезала я, облизывая ложку с вареньем, что, вероятно, не добавило мне солидности. — Ты вообще кто?

Он проигнорировал мой вопрос и, резко обернувшись в сторону шагов в коридоре, внезапно заговорил неестественно тонким, почти писклявым голосом, явно пародируя кого-то:

— Дани-и-ил! Это ещё кто? Я, как-никак, твой лучший друг, а ты до сих пор не познакомил меня с такой прекрасной девчулей! Ай-яй-яй, как некрасиво прятать сокровища!

Он еще и подмигнул мне. Так нагло, что у меня возникло дикое желание запустить в него подушкой.

В зале появился Данил. Вид у него был очень уставший. Увидев этого парня, он тяжело вздохнул.

— Максим, угомонись, — устало бросил Данил, даже не

глядя на него. — И смени тональность, у меня от твоего писка зубы сводит. Не докапывайся до неё.

Данил перевел взгляд на меня, на мой плед и на мультики. В его глазах промелькнуло что-то среднее между раздражением и усмешки надо мной.

— Она не моя девушка, — добавил он холодным тоном, который заставил меня на секунду замереть. — Так что свои подкаты оставь для клуба.

— Не твоя? — Максим снова расплылся в улыбке, бесцеремонно усаживаясь на подлокотник дивана, на котором я сидела. — Значит, вакансия «развлекателя» свободна?

— Вакансия «получить по шее» всегда открыта специально для тебя, — отрезал Данил.

Максим поудобнее устроился на подлокотнике, бесцеремонно стащив у меня одно печенье.

— Какие же мы злые, — весело сказал он, с хрустом откусывая край. — Я вот этого, — он кивнул в сторону Данила, и говорил тихим голосом. — знаю с тех пор, когда мы ещё в песочнице не могли поделить один экскаватор. Мы с ним через такое прошли, что его нынешняя физиономия «я-очень-занятой-бизнесмен» на меня вообще не действует. Я видел, как он плакал из-за сломанного лего в шесть лет, так что его авторитет для меня навсегда подорван.

Данил лишь закатил глаза, но я заметила, как уголки его

губ едва заметно дрогнули. Видимо, Максим был единственным, кому позволялось напоминать ему о прошлом.

— Ладно, развлекайся со своими мультиками, — Максим подмигнул мне ещё раз и поднялся. — А нам с хозяином этого мавзолея нужно перетереть пару серьезных дел.

Он похлопал Данила по плечу, и тот, коротко кивнув мне, развернулся и направился к лестнице. Максим последовал за ним, на ходу что-то насвистывая.

Как только тяжелые дубовые двери кабинета закрылись, весёлая маска Максима немного сползла. Он закинул ноги на журнальный столик и внимательно посмотрел на друга, который уже наливал себе виски.

— Так, а теперь серьезно, — Максим понизил голос, и его «писклявый» тон сменился на обычный, мужской и довольно пронизательный. — Данил, выкладывай. Откуда в твоём доме взялась эта девчонка? Она же вообще не в твоём вкусе. Твои обычно — это длинноногие модели с холодными глазами и амбициями на миллион, а тут... плед, мультики и малиновое варенье по всему лицу. Она выглядит так, будто заблудилась по дороге на детский праздник.

Данил сделал глоток, глядя в окно на засыпающий сад.

— Она не заблудилась, — сухо ответил он. — Это... стечение обстоятельств. Она попала в неприятности, и сейчас ей безопаснее находиться здесь, под моим присмотром.

— Безопаснее? — Максим усмехнулся, прищурив изумрудные глаза. — Ты теперь у нас благотворительный фонд «Спасение принцесс»? Дань, я тебя двадцать лет знаю. Ты пальцем не пошевелишь, если в этом нет твоего интереса. Так в чем интерес? Она свидетель? Или ты просто решил, что в этом доме слишком тихо и тебе не хватает кого-то, кто будет крошить печенье на твои итальянские ковры?

— Максим, не лезь. Она — моя ответственность. И это всё, что тебе нужно знать.

— О-о-о, «моя ответственность», — протянул Максим, явно наслаждаясь моментом. — Какие громкие слова. Смотри, как бы эта «ответственность» не превратилась в твою главную головную боль. Потому что девчонка с характером, я это за версту чувую. Она тебя не боится, Даня. А это уже начало конца твоей спокойной жизни.

Я дождалась, когда звуки шагов на этаже стихнут, а дверь кабинета плотно закроется. Да, решила подслушать, о чем они о таком важном говорят. Я замерла у высокой дубовой двери. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, его слышно во всём доме. Прижавшись ухом к прохладному дереву, я затаила дыхание.

— ...ты же понимаешь, что это опасно? И для тебя, и для нее, — голос Максима звучал серьезно. — Если те люди узнают, что она у тебя, они не посмотрят на твой авторитет. Для них она — рычаг давления.

— Именно поэтому она здесь, — слышался глухой голос Данила. Слышался звон льда о стекло. — В моем доме — единственное место, где они её не достанут. Пока что.

— И как долго ты собираешься играть в «доброе самаритянина»? — Максим усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья. — Ты же сам сказал: она — твоя ответственность. Но мы оба знаем, что в твоём мире «ответственность» часто превращается в «мишень». Она хоть знает, почему Кольцова так поступила?

Я замерла. Кольцова? Чего? О чем они?!

— Она ничего не знает, — отрезал Данил. — И не должна. Чем меньше она понимает, тем естественнее себя ведет.

— Ну-ну, — протянул Максим. — Только учти, когда она узнает правду — а она узнает, такие девочки всегда находят способ всё испортить — она тебя возненавидит еще сильнее. От возмущения и страха я качнулась назад, задев локтем

тяжелую напольную вазу, стоявшую в нише у двери. Она не упала, но противно звякнула, издав звук, который в тишине коридора оказался слишком громким. В кабинете мгновенно воцарилась тишина.

— Кто здесь? — строго спросил Данил.

Шаги. Стремительные, тяжелые шаги к двери. У меня было всего пара секунд, чтобы исчезнуть... Дверь распахнулась так резко, что поток воздуха заставил мои волосы взметнуться. Данил замер на пороге. Его фигура полностью закрывала дверной проем, а взгляд был таким острым, что я физически почувствовала, как по коже пробежал мороз. Ничего я сделать не успела.

— Ты... — он прищурился, окидывая меня взглядом с головы до ног. — Что ты здесь делаешь?

— А что, по этажу тоже запрещено ходить? Я вроде не заходила в кабинет, — я постаралась, чтобы голос не дрожал. — Внизу в гостиной стало невыносимо скучно.

Данил не шелохнулся. Его рука всё еще сжимала ручку двери, костяшки побелели. Из-за его спины показалось любопытное лицо друга.

— Я пришла спросить, — продолжила я, делая шаг вперед, прямо в его личное пространство, чтобы он не успел первым задать вопрос, — у тебя в этом огромном склепе есть хотя бы одна библиотека? Или ты только контракты и меню

элитных ресторанов читаешь? Мне нужно что-то почитать, иначе я к утру начну разговаривать с мебелью. И ваза у тебя стоит крайне неудобно, я чуть не снесла её локтем.

— Слышишь, Дань? Твой особняк не прошел проверку на интеллектуальный досуг. Девочке скучно! — Максим за его спиной засмеялся.

Данил медленно выдохнул. Напряжение в его плечах чуть спало, но взгляд остался подозрительным. Он долго смотрел мне прямо в глаза, будто пытался прочесть, о чем я сейчас думаю.

— Библиотека в конце коридора, направо, — наконец холодно произнес он. — И в следующий раз, если тебе что-то нужно, просто позови Аню. Не стоит меня отвлекать от важных вещей.

Я развернулась и пошла в сторону библиотеки, все еще чувствуя его взгляд на своей спине, пока дверь за ними снова не закрылась. Только тогда я позволила себе выдохнуть и прислониться к стене. На самом деле я прекрасно знала где она. Я все давно уже обследовала без его ведома.

Библиотека встретила меня запахом старой кожи, дорогого табака и тишиной, которая буквально давила на уши. Я опустилась в глубокое кресло у массивного дубового стола. Лампа с зеленым абажуром бросала тусклый свет на мои подрагивающие пальцы.

Наживка. Я просто наживка. Эта мысль пульсировала в висках.

Даниил Сергеевич. Холодный, расчетливый, непробиваемый. Пытаться с ним говорить — не пойдет мне на руку. Уже это сама пеняла.

А вот Максим... Он другой. В его глазах, когда он смотрел на меня в коридоре, не было этой ледяной отстраненности. Скорее — любопытство и что-то похожее на жалость. Он смеялся над «склепом» Данила, он вел себя проще. Если кто и может проговориться, то только он.

Но как подойти к нему? Он — человек и друг Данила. И если Данил узнает, что я пытаюсь «вскрыть» его правую руку, мне не поздоровится.

Я прислушалась. Из коридора снова донеслись голоса. Дверь кабинета открылась, послышались шаги. Один человек пошел в сторону лестницы — тяжелая, уверенная походка Данила. А второй... второй задержался. Я услышала щелчок зажигалки и тихий вздох совсем рядом с библиотекой.

Это мой шанс. Я быстро вскочила, стараясь не шуметь, и приоткрыла тяжелую дверь библиотеки. Максим стоял у окна в конце коридора, глядя на сад. Он выглядел спокойным, его пиджак был расстегнут, а в руке дымилась сигарета.

— Книгу так и не выбрала? — не оборачиваясь, спросил он. Видимо, услышал, как скрипнула дверь. Его голос был гораздо мягче, чем у Вольфа.

Я вышла в коридор и подошла к нему, остановившись в паре метров.

— Здесь нет того, что я ищу, — тихо сказала я, глядя на его профиль. — Там много классики, но нет... правды.

Макс медленно повернул голову. Он усмехнулся, выпустив струйку дыма.

— Правда — это не то что обычно держат в домашних библиотеках, красавица. Это слишком опасный товар.

— На счет Кольцовой... это правда? — я решила бить в лоб, пока Данил не вернулся. — Я слышала ваш разговор. Я знаю, что я наживка.

Максим замер. Улыбка медленно сползла с его лица. Он бросил сигарету в стоящую рядом напольную пепельницу и внимательно посмотрел на меня.

— Ты слишком много слышишь для своего же блага, — серьезно сказал он. — Даня тебя приберет, если узнает, что ты подслушивала.

— Он и так меня «прибил», заперев здесь. Использует меня как кусок мяса для хищников! — мой голос сорвался на

шепот, полный ярости. — Максим, пожалуйста... Ты не кажешься таким же сухарем, как он. Что она сделала?

Макс почесал затылок, оглянувшись на дверь кабинета Данила. Видно было, что в нем борется преданность другу и обычное человеческое сочувствие.

— Твоя начальница придумала уж очень хороший план, — наконец тихо произнес он. — Она хочет убраться тебя. Кольцова специально отправила тебя на задание с Вольфом. Ему приказала убить тебя. И как видишь... Он этого не сделал. Данил... он не плохой парень. Он реально пытается тебя вытащить из-под удара, но... — он резко замолчал.

— Какое «но»? — я сделала шаг ближе, почти касаясь его руки. — Максим, расскажи, пожалуйста...

— Ты не понимаешь, во что вляпалась, — Макс резко серьезнел и схватил меня за плечо, заставляя замолчать. Он отвел взгляд. — Если Данил узнает, что я тебе это сказал...

— Макс? Ты еще здесь? — ледяной голос Даниила заставил нас обоих вздрогнуть.

К нам резко подошел Данил. Его взгляд медленно сканировал нас, задерживаясь на каждой детали, словно он пытался понять наши эмоции. Я уже открыла рот, чтобы выдать какую-нибудь вежливую глупость, но Максим среагировал быстрее. Он по-хозяйски закинул руку мне на плечо.

— А мы тут, видишь, за ум взялись, фолианты изучаем, — Макс расплылся в своей улыбочке. — Слушай, Данька, а девчуля-то реально стоящая. Интересная, смешная... В об-

щем, чувак, тебе крупно повезло, что она на тебя не лает.

«Повезло?!» — внутри меня вскипел маленький, но очень гордый вулкан. Мне дико захотелось либо вмазать Максиму по локтю, либо закрыть его рот. Что я — лотерейный билет? Акционный товар в супермаркете?

Не дожидаясь, пока Данил сделает выводы, я резко перебила:

— Да, Данил, представь себе. Оказывается, твой друг тоже вполне пригоден для общения. Если закрыть глаза на то, что он слегка... ну, альтернативно одарен в плане ума.

Макс тут же ощутимо пихнул меня плечом. Данил же просто стоял и молча наблюдал за этой пантомимой. Он смотрел на это как на дешевый цирк, где клоуны забыли сценарий и начали импровизировать.

Я заставила себя улыбнуться, хотя щека предательски дергалась. В голове пульсировала только одна мысль: «Пожалуйста, просто смотри на наш идиотизм и не пытайся анализировать». Главное, чтобы за всем этим балаганом он не разглядел ту самую гору вопросов, которыми я только что пыталась Макса. Если он догадается, что именно я выводывала у его дружка — цирк закончится, и начнется настоящий триллер. А к главной роли в нем я сегодня явно не готова.

— Ясно, я не удивлен. Макс, нам пора. — спокойно отреагировал на наш спектакль Даня и удалился.

— А ты хорошая актриса, — прошептал мне на ухо Максим. — Ладно, я пошел. Не скучай, красотка. Еще увидимся.

Парень подмигнул мне и пошел вслед за Вольфом. Уж лучше бы больше не виделись. Вот и дружок, конечно, у Данила, такой же идиот. Два идиота – это сила, все дела.

Я вернулась снова в библиотеку, чтобы почитать какую-нибудь книгу, но сейчас лишь был звон в ушах от слов Максима. Я брела между стеллажами, механически проводя пальцами по корешкам книг. В голове, как заезженная пластинка, крутились обвинения в адрес Кольцовой. Они лгут. Ну не могла она так со мной поступить. Кольцова всегда была для меня чем-то вроде маяка в тумане, воплощением доброты и здравого смысла. Абсурд. Чистейшей воды провокация.

Я рухнула за массивный дубовый стол в самом дальнем углу и схватила первую попавшуюся книгу из стопки, лишь бы занять руки.

Секунду спустя я уставилась на обложку. Любовный роман. Из тех самых, где на обложке мускулистый красавец с развевающимися волосами прижимает к себе красивую барышню на фоне заката. Боже, ирония судьбы.

В моей жизни был период — назовем его «эпохой розовых очков и дефицита реальности» — когда я буквально жила такими книжками. Я скупала их пачками, зачитывала до дыр и искренне верила, что жизнь — это длинный пролог к встрече с тем единственным. В тех романах парни были иде-

альными: они всегда вовремя появлялись, спасали от плохих героев, говорили стихами и защищали от любого сквозняка. Настоящие принцы. О таких оставалось только мечтать, вздыхая над страницами в три часа ночи.

Я открыла книгу и начала читать. Сюжет затянул меня, как зыбучий песок. На пару глав я даже забыла о Даниле, Максиме и их странных играх. Я провалилась в мир, где всё просто: злодеи носят черное, а любовь побеждает всё, включая логику.

Но сказка не сработала. К середине книги строчки начали расплываться. Видимо, лимит на драмы на сегодня был исчерпан. До конца я так и не дочитала, слишком устала.

Сил на раздумья больше не осталось. Я закрыла книгу, оставив выдуманного принца разбираться со своими проблемами самостоятельно, и поплелась к себе. Как только голова коснулась подушки, сознание просто выключилось.

Только сон, в который я провалилась, быстро превратился в липкий, холодный кошмар.

Мне снилось, что я иду по дороге, засыпанной ослепительно белым снегом. Он падал огромными хлопьями, мягко укрывая путь. Вокруг раскинулась какая-то глухая, заброшенная деревня: покосившиеся домики с темными окнами, полное отсутствие звуков, ни лая собак, ни скрипа деревьев. Абсолютная, звенящая тишина.

Я шла вперед, и поначалу это чувствовалось правильным. Снег под ногами казался пушистым, а холод — почти при-

ятным. Но внезапно воздух вокруг стал густым и тяжелым. Спиной я почувствовала чье-то присутствие. Кто-то возник сзади так стремительно, что я не успела даже обернуться.

Я не видела его лица, но ощутила жар чужого дыхания у самого уха.

— Оставайся здесь навсегда, — прошелестел ледяной голос, от которого кровь застыла в жилах.

В ту же секунду я почувствовала, как к моему горлу прижалась полоска ледяной стали. Острое лезвие ножа коснулось кожи, угрожая в любой миг прервать мой вдох.

Я резко дернулась и распахнула глаза. Темнота моей комнаты. Я сидела в кровати, судорожно хватая ртом воздух, а сердце колотилось в ребра так сильно, будто пыталось вырваться наружу. Ладони были влажными.

Прошло несколько минут, прежде чем я окончательно осознала: это был всего лишь сон. Просто игра воображения, перегруженного стрессом и недомолвками Максима. Библиотека, романы, Данил, странные намеки — всё это сплелось в один уродливый узел, который развязался в моем подсознании этим кошмаром.

Постепенно дыхание выровнялось. Я вытерла пот со лба и снова легла, натянув одеяло до самого подбородка. Страх

еще копошился где-то внутри, мешая расслабиться, но дикая усталость в конце концов взяла верх. Мне едва удалось снова забыться тяжелым, прерывистым сном, в котором больше не было ни снега, ни острых ножей. Только пустота.

Глава 10

Сказка и игрушки.

Пробуждение было тяжелым. Кошмары прошлой ночи оставили после себя гудящую голову и стойкое нежелание возвращаться в реальность. Солнце уже вовсю заливало комнату, бесстыдно намекая, что утро давно превратилось в разгар дня.

Я заставила себя встать и, пошатываясь, как зомби в поисках еды, доплелась до двери. Мой внешний вид в этот момент наверняка мог бы напугать даже того призрачного убийцу из сна: всклокоченное гнездо на голове, заспанные глаза и помятая пижама.

Стоило мне нажать на ручку и приоткрыть дверь, как мир вокруг внезапно ускорился до режима форсажа.

В образовавшуюся щель влетело нечто шумное. Это была девчушка лет пяти — с двумя задорными хвостиками и копной золотистых волос. Она пронеслась мимо меня, впечаталась в дверь, захлопывая её моим же телом, и вцепилась в мои штанины.

— Тетенька, миленькая, только не сдавайте меня! — прошептала она, глядя на меня огромными зелеными глазами.

«Тетенька?!» — эта мысль пронеслась в моей голове громче набата. В мои-то годы? И самое главное, я для некоторых девочка, а для других уже тетя?! Я едва успела возмутиться про себя, как девочка уже отлепилась от меня и нырнула за штору. Штора подозрительно задергалась, а из-под неё выставились носки маленьких ножек в розовых носочках.

Не успела я даже моргнуть, как дверь снова распахнулась. На пороге стоял Вольф. То есть Данил. Вид у него был такой, будто он только что пробежал марафон за очень быстрым и очень хитрым зверьком.

— Привет... — выдохнул он, оперевшись рукой о косяк и оглядывая мою комнату. — Слушай, тут мимо тебя девочка не пролетала?

Я стояла посреди комнаты, хлопая ресницами, и ничего не понимала. Посмотрев на Данила, потом на подозрительно шевелящуюся штору, я медленно и очень старательно покрутила головой. Мол, нет, никого не видела, и вообще меня тут не было.

Данил прищурился. Его взгляд упал на розовые носки, торчащие из-под ткани. Он усмехнулся, и начал медленно ходить по комнате, нарочито громко заглядывая под кровать и в пустой шкаф.

— Хм, странно. А я-то думал, она здесь... Ну, раз нет, пой-

ду съем все конфеты сам.

Штора не выдержала. С криком «Конфеты мои!» девчушка выскочила из засады и тут же попала в плен. Данил ловко подхватил её под мышки и подбросил в воздух. Комната наполнилась звонким, залиvistым смехом и восторженным визгом.

Я стояла в ступоре, переводя взгляд с Данила, который сейчас выглядел удивительно мягким и домашним, на эту маленькую фурию.

— Это твоя дочь? — выпалила я, прежде чем успела подумать.

Данил застыл с ребенком на руках, и его брови медленно поползли вверх. Пять секунд мы просто смотрели друг на друга в абсолютной, звенящей тишине. Я уже начала его представлять папашей и его женушку.

Данил открыл рот, чтобы что-то сказать, но его опередили. Малышка по-хозяйски обхватила его за шею, прижалась щекой к его щеке и с гордостью заявила:

— Вообще-то, это мой самый любимый дядя Данил! А вы, тетенька, всё перепутали!

Данил наконец рассмеялся — открыто и искренне, глядя на моё лицо.

— Да, — протянул он, подмигивая мне. — Познакомься,

это Лиза, стихийное бедствие моей семьи. Лиза, а это... тетенька, которая очень любит поспать и кем-то поспорить.

Я закрыла лицо руками. Кажется, этот октябрьский день обещал быть еще более странным, чем предыдущий

— Слышь, Даниил Сергеевич, ты не обалдел случайно? — я, наконец, обрела дар речи и стряхнула с себя остатки сонного оцепенения. — Какая еще «тетенька, которая спит»? У этой «тетеньки» есть имя, и оно — Лия.

Данил только хмыкнул, явно наслаждаясь моим праведным возмущением. Но продолжить словесную дуэль нам не дала Лиза. Почувствовав, что хватка «дяди» ослабла, она с ловкостью маленькой обезьянки вывернулась из его рук.

— Раз вы всё равно проснулись, значит, пора есть кашу! — провозгласило это белокурое бедствие. — Дядя Данил сказал, что если я буду кушать кашу, то стану такой же сильной, как он и самой крутой!

И с этими словами Лиза умчалась на первый этаж, оглашая коридор топотом маленьких пяток. Данил проводил её взглядом, в котором читалась смесь обожания и крайнего истощения. Он тяжело, почти по-стариковски вздохнул и прислонился плечом к дверному косяку, запустив пятерню в свои растрепанные волосы.

— Племянница это моя, — негромко пояснил он, когда топот в коридоре стих, сменившись грохотом кастрюль на кухне. — Сестра вчера вечером позвонила в истерике. Форсмажор на работе, муж в командировке в другом городе, няня

внезапно уволилась. «Спасай, Данечка, ты же лучший брат в мире...» Вот я и спасаю. С семи утра гоняюсь за ней по всему дому.

Я оперлась о косяк, с другой стороны, стараясь не смотреть на то, как эффектно он выглядит даже в состоянии полной «родительской» деформации.

— Слушай, а как же Аня? — вопрос вылетел прежде, чем я успела его обдумать. — Мог бы её попросить помочь. Она же вроде как... — я неопределенно помахала в воздухе рукой, стараясь не уточнять, что именно я имею в виду под этим «вроде как». — Мастер на все руки, наверняка и с детьми ладит.

Данил посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом. В уголке его губ заиграла едва заметная, чуть усталая улыбка.

— Аня, конечно, могла бы, — медленно проговорил он. — Но, во-первых, её сегодня нет, попросила дать ей выходной. А во-вторых... — он выпрямился, и в его голосе прозвучало что-то непривычно мягкое. — Меня попросили, я и сижу. Выполняю, так сказать, священный долг дяди. Сестра доверила её мне, а не кому-то еще. К тому же, Лиза — девочка с характером. Она признает только «своих».

Из кухни донесся подозрительный звон разбитого стекла, а следом — жизнерадостное «Ой-ёй!».

— Господи, дай мне сил, — прошептал Данил, закатывая глаза. — Ну что, «Лия-не-тетенька», идем?

Я невольно улыбнулась. Моё раздражение улетучилось, сменившись странным теплом, которое разлилось в груди при виде этого большого, сильного мужчины, который так самоотверженно и так комично пытается справиться с одной маленькой девочкой.

— Идем, «дядя Данил», — подмигнула я ему. — Но учти, за моральный ущерб и звание «тетеньки» ты мне должен самый большой кофе в этом городе. С двойным сиропом.

— Договорились, — хохотнул он, пропуская меня вперед. — Хоть с тройным, только помоги мне дожить до вечера!

Кухня встретила нас запахом завтрака. На плите что-то подозрительно шипело, на столе красовалось пятно от пролитого молока, а в центре этого хаоса восседала Лиза, вооружившись огромной ложкой.

— Садитесь! — скомандовала она, указывая ложкой на стулья, как заправский генерал. — Дядя Данил сварил «кашу-малашу», но я проверила — она съедобная.

Данил со вздохом поставил передо мной тарелку с овсянкой. Выглядела она вкусно. На тарелке Лизы красовалась сверху клякса черничного варенья, а у меня тыквенные семечки.

— Я старался, — прошептал он мне на ухо, придвигая свой стул.

Мы принялись за еду. Лиза ела с большим азартом. Каж-

дые две минуты она прерывалась, чтобы сообщить нам какой-нибудь важный факт из своей жизни.

— А вы знаете, что у моей мамы есть помада, которая пахнет как настоящая малина? — спросила она, размазывая варенье по щеке. — Но есть её нельзя. Дядя Данил один раз попробовал, и у него был розовый язык! Мне так мама сказала.

Данил поперхнулся кашей и его на щеках появился почти незаметный румянец.

— Лиза! Это было один раз, и я был маленький! — попытался оправдаться он, но я уже всю хохотала.

— Розовый язык, значит? — я ехидно посмотрела на сурового Вольфа. — Белокурый, ты открываешься мне с совершенно новых сторон.

— Ешь кашу, Лейка, — проворчал он.

Тишина продлилась ровно три секунды.

— Тетенька Лия, а почему вы в пижаме? — Лиза уставилась на меня своими огромными глазами. — Уже же солнце высоко. Дядя Данил сказал, что только ленивые панды спят так долго. Он вас пандой называл, когда вы спали!

Я медленно повернула голову к Данилу. Тот внезапно опустил голову, улыбаясь.

— Пандой, говоришь? — вкрадчиво переспросила я.

— Ну... панды милые, — не оборачиваясь, пробормотал он. — И вымирающий вид. Их надо беречь.

— Да! — подхватила Лиза. — Дядя Данил сказал, что вас нельзя будить громко, а то вы можете «откусить голову». А я хотела посмотреть, как вы это делаете!

— Сегодня я добрая панда, Лиза, — я вытерла салфеткой капельку варенья с её носа. — Сегодня я буду кусать только дядю Даню. И исключительно за его длинный язык.

Данил наконец поднял взгляд. В его глазах плясали смешинки, а усталость будто немного отступила. Мы сидели на этой разгромленной кухне, ели овсянку и слушали бесконечную болтовню маленькой девочки.

— Дядя Данил! — вдруг спохватилась Лиза, вскакивая со стула. — Мы забыли про самое главное! Мы же хотели построить форт из подушек! Тетенька Лия, вы будете главным стражником? У вас и прическа подходящая... такая... боевая!

Данил посмотрел на моё «гнездо» на голове и не выдержал — расхохотался в голос. Я схватила кухонное полотенце и шутливо замахнулась на него.

Я быстро шмыгнула в свою комнату. Первым делом я взялась за волосы. Расческа с трудом продиралась сквозь колтуны, но через пять минут на плечи легли ровные, мягкие волны. Умылась ледяной водой, чтобы окончательно согнать

остатки сна, и сменила помятую пижаму на уютные легинсы и объемный свитер оверсайз цвета пыльной розы. Капля блеска на губы, чуть-чуть крема — и из зеркала на меня посмотрела вполне себе симпатичная девушка, а не персонаж фильма про зомби-апокалипсис.

— Ну, держись, Данил Сергеевич, — прошептала я своему отражению и решительно вышла в гостиную.

Гостиную было не узнать. Кажется, за те десять минут, что я отсутствовала, в доме пронесся мебельный смерч. Все диванные подушки, пледы и даже пара стульев были задействованы в строительстве монументального сооружения. Это было не просто укрытие, а настоящий двухкомнатный «пентхаус» из одеял, закрепленный по углам тяжелыми энциклопедиями.

Из недр этого матерчатого замка доносилось сосредоточенное сопение и приглушенный голос Данила:

— Нет, Лиза, здесь нужна дополнительная балка. Неси синюю подушку, иначе крыша рухнет.

Я остановилась в дверях, сложив руки на груди.

— Кхм-кхм. Стража вызывали?

Данил выглянул из-под края пледа. Когда его взгляд скользнул по мне — от свежего лица до кончиков расчесанных волос — он на секунду замер. Его брови удивленно приподнялись, а в глазах мелькнуло что-то похожее на искрен-

нее восхищение, которое он тут же попытался замаскировать привычной усмешкой.

— Ого, — выдохнул он, медленно выбираясь из форта. — Кажется, наша панда прошла стадию эволюции и превратилась... ну, как минимум, в очень симпатичного эльфа.

— Тетенька Лия! — Лиза высунула голову следом за парнем. Глаза её округлились. — Вы теперь такая красивая! Как настоящая принцесса! А волосы... они теперь как настоящие, а не как у моей старой куклы!

— Спасибо за сомнительный комплимент, Лизонька, — я рассмеялась и присела на корточки перед их постройкой. — Ну, и как мне попасть в ваше секретное логово? У стражников есть особые привилегии?

Данил, который уже успел оценить мой новый вид «на все сто», протянул мне руку, помогая опуститься на пушистый ковер.

— Просто так не пустим. Пароль! — строго сказал он, но его пальцы на долю секунды дольше положенного задержались на моей ладони.

— Хм... Пароль... — я сделала вид, что задумалась. — Может быть, «Вольф — идиот»?

— Неправильно! — авторитетно заявила Лиза изнутри, а

Даня закатил глаза. — Пароль: «Мы любим конфеты и не любим спать»! Залезайте быстрее, у нас там уже база обустроена, и есть фонарик!

Я посмотрела на Даню. Мы сидели совсем рядом, и я чувствовала тепло, исходящее от него. Весь этот утренний хаос, ребенок, подушки — всё это было таким странным и в то же время удивительно... приятным.

Внутри было на удивление уютно и пахло кондиционером для белья. Лиза уже включила маленький карманный фонарик, и на «потолке» из пледов заплясали причудливые тени. Мы с Данилом сидели, подогнув колени, потому что места для двоих взрослых и одной гиперактивной девочки было маловато.

— Так, — Лиза разложила перед нами три сушки, — это наши запасы на случай долгой осады. Дядя Данил — главный по разведке, тетенька Лия — защищает ворота. А я — королева, я просто красивая.

Данил хмыкнул, едва не задев головой крышу нашего убежища.

— Значит, разведка? А если разведка докладывает, что на горизонте показался враг?

— Какой враг? — шепотом спросила Лиза, округлив глаза.

— Грозный Подушечный Монстр! — внезапно прорычал Данил и, не давая нам опомниться, легонько ткнул племянницу маленькой подушкой.

Лиза взвизгнула от восторга, перекувыркнулась и тут же схватила свой снаряд.

— В атаку! Тетенька Лия, помогайте! Он предал королеву!

Я не заставила себя ждать. В азарте я схватила ближайшую подушку и с размаху треснула ей Данила.

— Получай, изменник!

— Ах, вот вы как? — Данил сощурился, и в его глазах вспыхнул такой мальчишеский задор, которого я никак не ожидала увидеть у этого серьезного парня. — Объединились, значит? Ну, держитесь!

В следующую секунду наш уютный «пентхаус» перестал быть мирным убежищем. Данил, несмотря на свои габариты, оказался невероятно маневренным. Он увернулся от удара Лизы и «обстрелял» нас мягкими снарядами.

— Защищай, Лия! — кричала Лиза, заливаясь смехом и пытаясь залезть Данилу на спину.

Мы сражались самозабвенно. Подушки летали по всей гостиной, форт начал стремительно разрушаться: сначала рухнула «балка» из энциклопедий, потом съехала крыша из пледа. Но нам было уже всё равно.

— Это нечестно! У него руки длиннее! — задыхаясь от

смеха, прокричала я, когда Данил в очередной раз заблокировал мой удар и прижал меня подушкой к ковру, не давая подняться.

— На войне как на войне, — тяжело дыша, ответил он. Его лицо было совсем близко, волосы растрепались еще сильнее, а на щеке остался след от пуха.

Лиза воспользовалась моментом и с победным криком обрушила на голову Дани финальный удар самой большой диванной подушкой. Это стало последней каплей для нашего строения — остатки форта окончательно накрыли нас мягким лавинообразным сугробом из одеял и пуха.

Мы затихли, погребенные под слоями ткани. Было слышно только наше частое дыхание и приглушенное хихиканье Лизы где-то в районе моих ног.

— Кажется, королева победила, — пробормотал Данил откуда-то сверху. Его рука в темноте под пледом случайно коснулась моего плеча и осталась там.

Я лежала на ковре, глядя в темноту надвинутого на лицо одеяла, и чувствовала, как бешено колотится сердце — и совсем не от беготни.

— Королева победила, а замок разрушен, — отозвалась я, улыбаясь во весь рот.

— Ничего, — голос Данила стал тише и как-то теплее. — Мы построим новый. Лучше прежнего.

В этот момент Лиза наконец выбралась на свет и стащила с нас одеяло. Мы с Данилом так и лежали на полу среди хаоса из перьев и раскиданной мебели, глядя друг на друга. И в этой нелепой, детской ситуации было столько жизни и искренности, сколько мне не доводилось чувствовать уже очень давно.

— Ну что, побежденные? — Лиза торжествующе уперла руки в бока. — Идемте пить чай. Королева проголодалась!

— Королева приказала — подданные выполняют, — усмехнулся Данил, поднимаясь с пола и протягивая мне руку, чтобы помочь встать.

Мы переместились на кухню, оставив позади «поле битвы». Пока Данил возился с чайником, я достала из холодильника коробку с пирожными. Это были изящные эклеры, щедро украшенные сливочным кремом и свежими ягодами.

Атмосфера была удивительно уютной. Солнце заливало кухню, чай в прозрачных чашках красиво золотился, а Лиза с серьезным видом сосредоточенно выбирала самый большой эклер.

— М-м-м, божественно, — зажмурилась я, откусив кусо-

чек. Крем был легким как облако.

— Согласен, — тихо сказал Данил. Но когда я открыла глаза, то увидела, что он смотрит вовсе не на пирожное, а на меня. У него на переносице всё еще белела крохотная пушинка из подушки, и это делало его суровый мужской профиль до смешного милым.

Я не выдержала и потянулась к нему:

— Стой, у тебя тут...

Мои пальцы на секунду коснулись его кожи, убирая пушинку. Данил замер. Мы оба на мгновение забыли и про чай, и про Лизу.

Но Лиза, как истинный стратег, бдительно следила за обстановкой. Она переводила взгляд с дяди на меня, методично слизывая крем с пальцев. В её маленькой голове явно шла серьезная аналитическая работа.

— Тетенька Лия, — вдруг звонко произнесла она, нарушив тишину.

— Да? — я отстранилась от Данила, стараясь, чтобы мой голос звучал естественно, хотя щеки предательски заалели.

Лиза склонила голову набок, прищурилась и задала во-

прос с той прямолинейностью, на которую способны только пятилетние дети:

— А тетя Лия любит дядю Данила?

Из моей кисти выпала ложка. Звук упавшей на блюде ложечки показался громом. Я застыла, чувствуя, как внутри всё сжалось от боли и абсурдности этой ситуации. «Любить его?» — пронеслось в голове. Человека, который руководит «Синдикатом»? Того, кто стоит по другую сторону баррикад, где нет места прощению?

Данил замер. Его челюсти сжались так сильно, что на щеках проступили желваки. Он медленно поднял глаза. В них не было нежности — только ледяная настороженность и та самая глухая стена, которую я уже видела, когда я только с ним встретилась на поле боя.

— Глупости не говори, Лиза, — мой голос прозвучал суше и резче, чем я планировала. Я даже не посмотрела на него. — Мы просто соседи. И то — временно.

— Но вы так весело играли! — надулась девочка, не понимая, почему атмосфера вдруг стала такой тяжелой. — Мама говорит, что если люди играют вместе, они дружат. А если дружат — значит, любят!

— Взрослый мир устроен иначе, — Данил наконец заговорил. Его голос был холодным. Он отодвинул от себя тарелку с наполовину съеденным пирожным. — Бывают люди, которые не могут дружить. Как огонь и вода.

Я почувствовала, как под столом его колено случайно коснулось моего. Я тут же отпрянула, словно от удара током. Это прикосновение обожгло.

— Мы не любим друг друга, Лиза, — повторила я, заставляя себя посмотреть Данилу прямо в глаза. Я хотела увидеть в них подтверждение, что он согласен со мной. У нас разные роли. — У нас... слишком много причин для обратного.

Данил выдержал мой взгляд.

— Видишь? — он криво усмехнулся, обращаясь к племяннице, но не сводя глаз с меня. — И вообще, ты еще маленькая.

Резкая вибрация телефона на столе заставила нас обоих вздрогнуть. Данил бросил взгляд на экран, и его лицо мгновенно изменилось. Это был не тот человек, который только что отбивался от нас подушками.

— Мне нужно ответить, — коротко бросил он, вставая из-за стола.

Он вышел в коридор, плотно прикрыв за собой дверь. Его приглушенный, низкий голос доносился из-за стены, но разобрать слова было невозможно. Мы остались с Лизой вдвоем. Пятилетняя девочка смотрела на меня, зажав в ру-

ке недоеденный эклер. В её глазах застыло недоумение — дети всегда чувствуют, когда у взрослых внезапно портится настроение.

— Тетя Лия... — тихо позвала она. — А мы еще будем играть? Когда дядя Данил закончит говорить по телефону?

Я заставила себя улыбнуться, но эта улыбка стоила мне огромных усилий. Внутри всё ныло.

— Будем, Лиза. Обязательно будем.

Но в этот момент я сама себе не верила. В груди разливалась холодная тревога. Весь этот уют — чай, пирожные, солнечные блики на столе — казался мне декорацией в дешевом театре. Я чувствовала себя воровкой, которая пробралась в чужую жизнь и пытается примерить её на себя. Я не на своем месте. Мы с Данилом не можем просто сидеть и пить чай. Мы — это невысказанные обвинения и фамилии, которые стоят по разные стороны судебных исков. Так не должно быть.

Я резко встала. Мне нужно было занять руки, чтобы не дать себе окончательно расклеиться. Я начала быстро собирать тарелки. Гул посудомоечной машины немного заглушил мои мысли. Подойдя к Лизе, я легонько потрепала её по макушке, взъерошив мягкие волосы.

— Ты доедай, солнышко.

Дверь открылась, и вошел Данил. Он больше не смотрел на Лизу. Его взгляд был прикован ко мне, и в нем было что-то такое, от чего у меня по спине пробежал холодок. Это был взгляд охотника, который наконец попал на след.

— Лиза, посиди пока одна в комнате, — сухо произнес он. — Включи мультики. Нам с Лией нужно поговорить. Наедине.

Девочка, почувствовав его тон, не стала спорить. Она молча спрыгнула со стула и убежала. Данил кивнул в сторону своего кабинета. Видимо разговор был важным. Зайдя в кабинет, парень прикрыл дверь и подошел ко мне почти вплотную.

— Только что звонили из службы безопасности, — сказал он тихим, вибрирующим от сдерживаемой ярости голосом. — Подняли записи с камер соседнего здания.

Он сделал паузу, взглядываясь в мое лицо, словно искал в нем ответную реакцию.

— Мне только что передали, кто на самом деле устроил тот пожар в баре.

Глава 11

Карусель неожиданностей.

Голос Данила внезапно утратил ту пугающую ноту и зазвучал глухо, почти сбивчиво. Он смотрел на меня так, словно видел впервые — без прежней брони и сарказма.

— Тебе не стоит переживать, — произнес он, и я заметила, как расслабились его плечи. — Это всё произошло из-за меня. Ты попала туда совершенно случайно, Лия. Мои конкуренты решили, что пришло время меня убрать, и бар был идеальным местом.

Он прервался, тяжело вздохнул и отвел взгляд на окно, где за стеклом медленно падали пожелтевшие листья деревьев.

— И в каком-то смысле... ты меня спасла, — его слова прозвучали почти как признание. — Если бы в тот вечер мне не позвонила домработница и не сказала, что ты пропала и я бы не пошел тебя разыскивать, то не факт, что успел бы выйти из горящего здания. Я был в зале, в самом эпицентре. Твое присутствие там вытащило меня из ловушки.

В кабинете повисла тишина, но теперь она не так сильно давила. Все кусочки мозаики, которые мучили меня последние недели, наконец-то встали на свои места.

— Мои люди допросили виновника, — продолжил Данил, снова возвращая свой взгляд к моему лицу. — Тот случай в больнице, когда ты видела того человека, тоже напрямую связан с этим. Они пытались замести следы и проверить, не видела ли ты чего лишнего. Но теперь уже всё решено. С ними покончено, их убрали с шахматной доски. Главаря посадили в тюрьму, и он оттуда уже не выйдет.

Но договорить нам не дали. Пронзительный, полный неподдельного ужаса крик Лизы донесся из глубины коридора, из кухни.

Данил сорвался с места мгновенно. Я никогда не видела, чтобы человек так быстро переходил из состояния задумчивости в режим боевой готовности. Сбив по пути стул и едва не задев плечом дверной косяк, он рванул на кухню. Я полетела следом. В голове пронеслись самые страшные картины:

от открытого окна до внезапного приступа.

Мы ворвались в кухню почти одновременно. Данил затормозил так резко, что я чуть не врезалась ему в спину.

— Лиза! Что случилось?! — голос Данила сорвался на хрип. Он уже опустился на колени рядом с ней, ощупывая ее плечи, проверяя, цела ли она.

Лиза стояла посреди кухни, вцепившись в край стола. Ее глаза были расширены от ужаса, нижняя губа дрожала, а на щеках блестели слезы. Она указывала дрожащим пальчиком на пол.

Там, на солнечном полу рассыпались осколки большой фарфоровой вазы — той самой, которую Данил вроде как привез из какой-то важной поездки и которой, как я помню, очень дорожил. Но пугал Лизу не только погром.

— Она... она сама! — всхлипнула девочка. — Я просто хотела поставить туда листики! Красивые, октябрьские! Которые я сегодня утром собирала, когда мы с мамой шли. А она как прыгнет!

В центре этого керамического побоища сидел... кот. Огромный, дымчато-серый, с невероятно пушистым хвостом и крайне недовольным выражением морды. Он невозмутимо вылизывал лапу, окруженный обломками дорогого фарфора, и смотрел на нас так, словно это мы ворвались в его личные покои без приглашения.

— Откуда здесь кот? — выдохнула я, чувствуя, как адреналин медленно покидает кровь, оставляя после себя легкую

дрожь.

Данил замер, все еще прижимая к себе всхлипывающую Лизу. Его взгляд переместился с племянницы на кота, потом на остатки вазы, а затем — на открытую створку окна, через которую, видимо, и пробрался этот «октябрьский сюрприз». Он закрыл глаза на секунду, прислонившись лбом к макушке Лизы, и я увидела, как его пальцы, еще минуту назад сжатые в кулаки, расслабились. Он не злился. На его лице отразилось такое колоссальное облегчение, что мне стало почти неловко.

— Лиза, маленькая, ты напугала меня до смерти, — негромко сказал он, и в его голосе было столько нежности, что я невольно отвела глаза. — К черту вазу. Ты не поранилась?

— Нет, — шмыгнула носом Лиза. — но он на меня шипел! Он сказал, что это теперь его кухня!

Я не выдержала и тихо хмыкнула. Октябрьское солнце играло в осколках фарфора, Данил сидел на полу, утешая ребенка, а наглый кот продолжал игнорировать всех присутствующих.

— Кажется, — Данил поднял на меня взгляд, и в нем промелькнула тень довольной улыбки. — у нас новый противник. И он гораздо опаснее моих конкурентов.

— По крайней мере, он не пытается нас взорвать, — заметила я, проходя вглубь кухни. — Только захватить территорию.

Я осторожно перешагнула через крупные осколки вазы. Кот тут же выгнул спину, и прошипел.

— Осторожнее, — негромко предостерег Данил. Он уже поднялся на ноги, продолжая придерживать Лизу за плечо, но его взгляд был прикован к моим рукам.

Я только вскинула брови, не сбавляя шага. Желтые глаза кота — яркие, как две монетки — блеснули, когда он снова зашипел, демонстрируя острые клыки.

В памяти мгновенно всплыл Барс — мой кот из детства. Он был такой же масти: густая серая шерсть и эти янтарные, вечно недовольные глаза. Барс терпеть не мог ласку, презирал обнимашки и деликатно уходил, если кто-то пытался его потискать. Но при этом он был самым верным слушателем — часами сидел на углу моего стола, пока я делала уроки, и смотрел на меня с таким наплевательским видом, словно проверял правильность решения задач по алгебре.

Я подошла к холодильнику. Данил наблюдал за мной с нескрываемым интересом. Достав упаковку ветчины, я отрезала тонкий ломтик.

Вернувшись к «захватчику», я не стала протягивать руку — это была бы ошибка. Вместо этого я присела на корточки на безопасном расстоянии и положила кусочек ветчины на

чистый участок пола.

Кот замер. Шипение прекратилось, сменившись коротким, оценивающим принюхиванием. Он выждал пока я отойду на нужную ему дистанцию, по-царски неспешно, подошел к угощению. Понюхал, удостоверился, что это можно есть, и в два счета расправился с ветчиной.

— Вот и всё, — я смотрела на кота, отряхивая руки. — Конфликт исчерпан.

Лиза, которая всё это время стояла, затаив дыхание, восторженно выдохнула:

— Лия, он тебя даже не съел!

Я невольно улыбнулась и посмотрела на Даню. Он стоял, прислонившись к столешнице.

Кот вдруг изменил тактику. Видимо, решив, что образ грозного захватчика не так выгоден, как роль домашнего любимца, он подошел ближе. Его мягкий бархатный бок коснулся моей ноги, и он начал тереться о мои лосины, оставляя на них серебристые шерстинки. А потом и вовсе сделал то, чего я от него не ожидала: встал на задние лапы, доверчиво опираясь передними о мои колени, и требовательно заглянул в лицо.

В его желтых глазах теперь не было злобы — только бесконечное, чисто кошачье «дай еще». Он официально признал, что я ему не враг.

Я рискнула и аккуратно коснулась ладонью его макушки, между ушами. Шерсть оказалась удивительно густой и мяг-

кой. Кот зажмурился и издал короткое, звонкое «мяу», в котором слышалось явное одобрение.

Я посмотрела на Лизу. Девочка всё еще стояла чуть поодаль, замороженно глядя на это превращение. Страх в ее глазах медленно уступал место любопытству.

— Держи, — я протянула ей следующий кусочек ветчины. — Попробуй дать ему сама. Только не бойся, он уже почти добрый.

Лиза сделала осторожный шаг вперед. Ее рука немного дрожала, когда она опустила угощение на пол. Кот, не теряя достоинства, тут же переключился на новую порцию. Он ел жадно, с аппетитом, забавно подергивая ушами.

Пока он был занят едой, Лиза неспешно, почти затаив дыхание, протянула руку и коснулась его спины. Кот замер на секунду, а потом... он замурлыкал — громко, на всю комнату, вибрируя всем своим телом.

Лиза просияла. На ее лице расцвела такая широкая и искренняя улыбка, какую я не видела у нее с самого приезда. Она начала гладить кота смелее, пропуская пушистую шерсть сквозь пальцы.

— Смотри, дядя Данил! — восторженно прошептала она. — Какой он милый!

Данил, который всё это время наблюдал за нами, не шевельясь, наконец выдохнул. В его взгляде появилась не большая

радость.

Вечер медленно вползал в дом, окрашивая стены в глубокие синие и фиолетовые тона. Кот, окончательно разомлевший от еды и ласки, вдруг встрепенулся. Он спрыгнул с колен Лизы, подошел к входной двери и требовательно мяукнул, глядя на ручку. Его висит к нам подошло к концу — зов улицы оказался сильнее домашнего уюта.

— Дядя Данил, ну пожалуйста! Пусть он останется! — Лиза схватила Данила за руку, и в ее глазах заблестели слезы. — Он же такой хороший... Он меня полюбил! Мама никогда не разрешит, у нее сразу глаза краснеют, и она чихает... Ну почему он должен уходить?

Данил присел перед племянницей на корточки, мягко убирая прядь волос с ее лица.

— Лиза, послушай. Этот кот — вольный охотник. Он привык к небу над головой и к своим делам во дворе. Ему будет плохо взаперти, даже если мы будем кормить его лучшей ветчиной.

Даня был тверд, и Лиза, всхлипнув, поняла, что спорить бесполезно. Когда дверь открылась, кот даже не обернулся. Он грациозно выскользнул в сумерки, растворившись в тенях сада, будто его здесь и не было. Только несколько серых шерстинок на ковре осталось после него.

Оставив Даню утешать расстроенную девочку, я почувствовала, как навалилась усталость. День выдался слишком насыщенным на эмоции. Мне отчаянно хотелось смыть с се-

бя этот день, запах кошачьей шерсти и пыль старых углов.

Я заперлась в ванной. Пар быстро наполнил комнату, оседая на зеркале густой пеленой. Сбросив одежду, я встала под тугие струи горячей воды. Она обжигала кожу, заставляя мышцы наконец-то расслабиться. Я закрыла глаза, подставляя лицо под капли.

Дом казался огромным и тихим, и только шум воды нарушал эту тишину. Я намылила волосы, наслаждаясь ароматом дорогого шампуня с нотками кокоса. Я провела в ванной больше получаса, наслаждаясь этой редкой возможностью побыть в абсолютной тишине. Тщательно умылась, смывая остатки усталости, высушила волосы до зеркального блеска и, наконец, облачилась в чистую одежду.

Когда я вышла из ванной, была абсолютная тишина, которая немного даже стала пугать. Ни звука телевизора, ни звонкого смеха Лизы, ни приглушенных разговоров. Только мерное тиканье часов где-то в глубине коридора.

Я начала медленно спускаться по лестнице. Мои шаги тонули в мягком ковре. С каждой ступенькой во мне росло странное волнение, смешанное с любопытством. И вот, не успев ступить на последнюю ступеньку, я замерла.

В гостиной на первом этаже горел лишь тусклый торшер, отбрасывая длинные, мягкие тени. На широком диване, в самом центре этой сонной обители, лежали они — Даня и Лиза.

Картина была настолько трогательной, что у меня перехватило дыхание. Даня лежал полу боком, его сильная рука собственнически и в то же время невероятно нежно обнимала девочку, словно защищая её от всего мира. Лиза прижалась к нему, уткнувшись носом в его плечо, и тихо, мерно сопела. Они оба спали, сморенные этим длинным, сумасшедшим днем.

Я затаила дыхание и на цыпочках подошла ближе. Я не хотела их будить, но и уйти была не в силах. В полумраке лицо Дани казалось другим. Он выглядел... спокойным. Его широкая грудь медленно поднималась и опускалась в такт дыханию.

В этот момент в моей груди что-то предательски дрогнуло. Необъяснимый порыв, почти осязаемое желание коснуться его лица, провести пальцами по его волосам, почувствовать тепло его кожи, заставило мои руки непроизвольно дернуться вперед. Черт! О чем я только думаю?! Я резко занесла руку и несильно, но ощутимо ударила себя по щеке. Хлесткий звук собственного хлопка привел меня в чувство. Соберись, Лия! Но ноги словно приросли к полу. Я стояла так несколько минут, не в силах отвести взгляд от спящего Данила, гадая, какой человек скрывается за этой стальной броней на самом деле.

Идиллию разрушил резкий, требовательный стук в дверь. Я вздрогнула, испугавшись, что этот звук разбудит их, и

быстро бросилась к входу. Я приоткрыла тяжелую дверь и замерла.

На пороге стояла девушка. Она была ниже меня ростом, но в ней чувствовалась порода и невероятная уверенность. Светлые волосы идеальными волнами спадали на плечи, а холодные серые глаза смотрели прямо, изучающе. Её губы, подчеркнутые ярко-красной помадой, были плотно сжаты. Она одета с иголочки: строгая юбка-карандаш, идеально подчеркивающая фигуру, яркая красная рубашка в тон помаде и изящные черные сапоги на каблуке. В ушах поблескивали дорогие серьги, а на плечи была небрежно наброшена роскошная черная норковая шубка. От нее веяло холодом улицы и ароматом очень дорогого парфюма.

Она окинула меня быстрым взглядом с головы до ног, и в этом взгляде не было ни капли дружелюбия. Я стояла, не в силах шелохнуться, и удивленно смотрела на нее. В голове за секунду пронеслось сотни догадок, но я лишь выдавила из себя вежливое:

— Здравствуйте...

И в этот момент тишину дома разорвал звонкий, полный восторга крик:

— Мама-а-а-а!

Лиза, которая еще минуту назад казалась крепко спящей, появилась словно из ниоткуда. Она пронеслась мимо меня маленьким вихрем. Незнакомка тут же преобразилась: холод в ее глазах на мгновение отступил, уступая место мягкости.

Она присела, распахивая объятия, и Лиза с разбегу уткнулась в ее роскошную норковую шубку.

— Мамочка, ты приехала! — щебетала девочка, прижимаясь к ней.

Позади меня раздались тяжелые, ленивые шаги. Я обернулась. В проеме показался Данил. Сон еще не до конца отпустил его: волосы были забавно растрепаны, футболка помялась, а взгляд был мутным и расслабленным. Он выглядел таким домашним и уязвимым, что я снова на секунду засмотрелась.

— Здравствуй, братец, — голос девушки зазвучал иронично, когда она подняла взгляд на парня. — Спасибо, что посидел. Вижу, ты тут не скучал.

Она снова перевела свой цепкий, изучающий взгляд на меня. В воздухе повисло напряжение. Девушка приподняла одну бровь.

— А это у нас кто...? — протянула она, не скрывая любопытства.

— Я Лия.

На лице незнакомки расплылась улыбка. Она была ослепительной, но какой-то слишком правильной, насквозь наигранной.

— О-о, я Карина, сестра Данила. Очень приятно познакомиться... — Она грациозно протянула мне руку в тонкой

перчатке, которую тут же сняла, обнажая безупречный маникюр.

Я протянула свою в ответ. Ее рукопожатие было коротким, сухим и властным. Я почувствовала холод её колец и странную дистанцию, которую она сразу же установила между нами.

Лиза, не замечая этих взрослых игр, буквально запрыгала от счастья, дергая мать за руку.

— Мама, мама! А можно на мой день рождения мы пригласим тетю Лию? Пожалуйста! Она очень-очень хорошая! Она со мной играла!

Я невольно улыбнулась. Ага, еще и кашу ела. Оказалось, у этой маленькой принцессы праздник уже в ноябре. Карина на секунду замерла, её взгляд скользнул по Данилу, который теперь уже стоял, прислонившись к косяку и скрестив руки на груди, а затем снова вернулся ко мне.

— Ну, раз ты так этого хочешь, то, конечно, можно, — пропела она, погладив дочь по голове.

Лиза запрыгала еще веселее, её радостный смех заполнил холл. Но Карина быстро сменила тон на деловой. Она снова присела на корточки перед дочерью, поправляя ей воротничок пижамы.

— А теперь, золотце, беги наверх и собирай свои вещи. Мы сейчас поедem домой. У нас еще много дел, а завтра важный день. Давай, живее!

Лиза, все еще сияя, послушно кивнула и умчалась наверх,

а в холле снова повисла тишина. Карина медленно выпрямилась, и её улыбка тут же погасла, стоило Лизе скрыться из виду.

Карина повернулась к брату, и в её глазах вспыхнул озорной, почти колючий огонек. Она картинно сложила руки на груди, отчего мех её шубки мягко колыхнулся

— Что же ты, братец, молчишь? — протянула она, явно наслаждаясь моментом. — Ничего не рассказываешь, в гости не зовешь... На свадьбу-то хоть пригласите? Или решите тайком расписаться, чтобы родственников не баловать?

Данил недовольно цокнул языком и закатил глаза. Его сонная расслабленность мгновенно сменилась привычным раздражением.

— Карин, не начинай, — отрезал он холодным, предостерегающим тоном. — Хватит строить свои теории. Это Лия, моя знакомая.

Я быстро закивала, подтверждая его слова, хотя внутри всё клокотало от возмущения. Да, просто знакомая, которая живет у него. Как удобно он всё упростил!

Только сейчас, глядя на них двоих в тусклом свете прихожей, я по-настоящему заметила, как сильно они похожи. Та же безупречная лепка лица, те же высокие скулы и этот особый, фамильный взгляд — уверенный, слегка надменный, смотрящий на мир так, будто он принадлежит им по праву рождения. Брат и сестра, тут и сомневаться не приходилось.

Но больше всего меня бесило это повальное заблуждение.

Почему каждый встречный — от случайного прохожего до родной сестры — с ходу записывает нас в пару? «Свадьба»? Серьёзно?

Если бы эта холеная красавица в норке знала, какой идиот её брат на самом деле! Если бы она хоть на секунду представила, какими методами этот «заботливый дядюшка» удерживает меня в этом доме, как он манипулирует и не дает мне уйти — она бы, наверное, не про свадьбу спрашивала, а полицию вызывала. Ну, или посочувствовала бы мне. Хотя, глядя на её холодную улыбку, я сомневалась, что сочувствие — это то, что знакомо этой семье. Возможно, эта девица занимается тем же, как и ее брат.

Для них я была лишь деталью интерьера, «знакомой», которая почему-то оказалась в пижаме в доме их неприступного Данила десять вечера.

— Знакомая, значит? — Карина прищурилась, переводя взгляд с Данила на меня и обратно. — Ну-ну. У тебя, Данечка, всегда были очень... интересные «знакомые». Но Лия мне хотя бы нравится, у неё глаза честные.

В этот момент сверху послышался топот — Лиза, тяжело дыша, тащила свой розовый рюкзачок, из которого торчали уши плюшевого зайца.

— Я всё! — радостно объявила она. — Тетя Лия, ты же придешь ко мне, честно-честно?

— Обещаю, — мягко ответила я, стараясь не смотреть на Данила.

Карина подхватила рюкзак дочери и кивнула брату.

— Ладно, поехали мы. Завтра созвонимся, расскажешь мне подробнее о своей «благотворительности», — она бросила на меня еще один многозначительный взгляд и направилась к выходу.

Дверь за ними закрылась. Я осталась стоять в холле, чувствуя на себе тяжелый взгляд Данила.

— Свадьба, значит? — тихо проговорила я, повернувшись к нему и скрестив руки на груди. — У твоей сестры отличное чувство юмора. Или она просто тебя слишком хорошо знает? Выходишь за первого встречного?

Данил ничего не ответил сразу. Он лишь медленно выдохнул, потирая переносицу, будто у него внезапно разболелась голова. Вся его сонная мягкость испарилась, как только за сестрой закрылась дверь. Теперь передо мной снова стоял тот человек, который диктовал условия и не принимал отказов.

— У Карины богатая фантазия и слишком много свободного времени, — сухо произнес он, наконец опустив руку. — Не бери в голову.

— Трудно не брать в голову, когда меня выставляют твоей невестой перед твоей же семьей, — я сделала шаг назад, подальше от него. — Тебе не кажется, что это заходит слишком далеко? Твоя племянница привязалась ко мне, твоя сестра строит планы на нашу свадьбу. А я здесь даже не по своей воле.

— Ты здесь, потому что мы так договорились, Лия. Считай это временными неудобствами.

— Договорились? — я нервно усмехнулась. — Ты называешь «договором» ситуацию, когда у меня нет выбора? Это шантаж, Данил. Чистой воды.

Он сделал шаг в мою сторону, и я инстинктивно напрялась. Но он не пытался подойти ближе — просто остановился, глядя мне прямо в глаза своим тяжелым, непроницаемым взглядом.

— Выбор есть всегда. Ты выбрала сидеть здесь, в тепле и безопасности. Так что не строй из себя жертву ситуации.

— Безопасности? — я обвела рукой пустой холл. — Я чувствую себя здесь как в золотой клетке. И то, что твои родственники принимают это за идиллию, только подливает масла в огонь. Что ты будешь делать, когда Лиза спросит, почему «тетя Лия» не пришла на её день рождения, потому что наконец-то сбежала от её сумасшедшего дяди?

— Ты никуда не сбежишь, пока я не решу, что вопрос закрыт. А насчет дня рождения... Ты права в одном: Лиза к тебе привыкла. Так что тебе придется там быть. Это не обсуждается.

— Ты серьезно? Ты потащишь меня на семейный праздник?

— Именно. И там ты будешь улыбаться и играть роль «хорошей знакомой», как и сегодня. Мне не нужны лишние вопросы от матери и сестры.

Он развернулся и направился в сторону лестницы, бросив через плечо:

— Иди спать. Завтра тяжелый день, и мне не нужно, чтобы ты ходила с кругами под глазами.

Я смотрела ему в спину, сжимая кулаки. Этот человек был абсолютно непробиваем. Его не волновали мои чувства, его не волновала ложь, которой он опутывал своих близких. Всё, что его заботило — это контроль. И самое паршивое было то, что сейчас я действительно не могла ничего сделать.

— Идиот, — тихо прошипела я, когда он скрылся на втором этаже.

Глава 12

Вальс под звёздным небом.

На следующий вечер, когда луна только начинала пробиваться сквозь облака, освещая сад серебристым светом, Даня подошел ко мне. Его лицо было серьезным, в глазах – то, что я уже видела раньше, – отчаяние, смешанное с какой-то решимостью.

— Мне нужна твоя помощь, только без шуток, — сказал он, его голос звучал тихо, но настойчиво.

— Тебе тоже здравствуйте.

— Очень важная встреча. По работе. Ресторан. Там будут... люди, от которых многое зависит. И мне нужен кто-то... рядом. На пару дней. — Он посмотрел мне прямо в глаза. — Мне нужна девушка.

— А я то что? У тебя денег много, иди подцепи какую-нибудь в клубе. А, поняла... Ты хочешь, чтобы я тебе актрису нашла для этого? Максим отлично подходит для этого. Лучше всех сыграет. — сказала я, и зачем-то добавила — Ты совсем обленился, Данька. Уже меня заставляешь работать.

— Я про тебя говорю, идиотка. Прошу тебя стать моей девушкой. Это шанс, который нельзя упустить. Всего на пару дней. Ты поможешь мне?

Я застыла. Так, стоп. Я девушка? Девушка этого придурка?! Данил действительно считал, что я просто возьму и со-

глашусь разыгрывать перед его важными партнерами роль влюбленной дурочки? Какой же он все-таки идиот. Самоуверенный, непрошибаемый дурак, привыкший, что мир вращается вокруг его прихотей. Я ненавидела его манеру распоряжаться моей жизнью, его холодность и ту ауру насилия, которая всегда следовала за ним по пятам. Он был монстром, который запер меня в золотой клетке, и мысль о том, чтобы добровольно стоять с ним рядом, улыбаться и позволять ему касаться моей талии на публике, вызывала тошноту.

Но в этой ненависти была какая-то уродливая, пугающая трещина.

Как это работало? Почему, ненавидя его каждой клеткой мозга, я всё равно ловила себя на том, что прислушиваюсь к его шагам в коридоре? Почему в моменты, когда он оказывался слишком близко, мой гнев смешивался с чем-то другим — тягучим, липким и совершенно неуместным? Эта странная, болезненная привязанность пугала меня больше, чем его враги. Это было похоже на безумие: я не хотела быть с ним, я мечтала оказаться как можно дальше от этого человека, но какая-то часть меня, словно сломанный компас, продолжала указывать в его сторону.

Я не понимала себя. Это чувство было неправильным, грязным, оно противоречило всему, во что я верила. Как можно чувствовать тепло рядом с тем, кто олицетворяет холод? Я злилась на свою слабость, на то, что моё тело предательски замирало под его взором, вопреки всем логическим

доводам разума.

В итоге я заставила себя успокоиться, выстраивая в голове холодный, расчетливый план. Хорошо, если он хочет игру, он её получит. Я пойду на эту встречу. Надену красивое платье, буду играть роль его идеальной спутницы и улыбаться так искренне, что он сам поверит в собственную ложь. Но я сделаю это не ради него. Это будет мой шанс. Пока он будет занят своими переговорами, пока его бдительность будет усыплена моей внезапной покорностью, я смогу разузнать больше, осмотреться, найти те лазейки, которых не вижу здесь, взаперти. Я помогу ему повернуть эту сделку, стану его лучшим алиби, а потом, когда шум бокалов стихнет, я просто исчезну. Это не капитуляция. Это стратегия. Я использую этот вечер как трамплин для своего побега. Пусть он думает, что приручил меня — тем больше для него будет осознание, что всё это время я лишь выжидала момент, чтобы нанести удар и уйти навсегда.

Ненависть никуда не делась. Она просто затаилась, ожидая своего часа. А эта странная привязанность... я просто вырву её из сердца, как только окажусь на свободе. Она — лишь побочный эффект страха, ничего больше. Так я себя убеждала. Так мне было легче дышать.

— Так уж и быть, — наконец сказала я, сама удивляясь своей смелости. — Только есть договор. Без каких-либо нежностей и «лисят». Иначе я не сдержусь и врежу тебе!

— Боюсь—боюсь, — с довольным видом сказал Дания.

— Помолчи уже, — закатила я глаза и пнула своей ногой, по его ноге.

Мы обговорили детали. Он объяснил, как себя вести, что говорить, какой образ создать. Он говорил о своих партнерах, об их привычках, о том, как произвести нужное впечатление. Я слушала, пытаюсь запомнить все, чувствуя себя героиней какого-то странного фильма.

— Стоп, ты умеешь танцевать вальс? — внезапно спросил он, его взгляд стал более серьезным.

— Нет. Никогда не училась, — я пожала плечами.

— Вот это ты деревенщина конечно. Ладно, не переживай. Научу.

— Да я и не переживаю. Это тебе надо, а не мне.

— Ты дура или прикидываешься? — он, как всегда, любитель пошутить.

— Беру пример с тебя.

Еще поспорив, мы пошли ужинать.

И вот, луна разлила свой серебристый свет по всему саду, мы оказались на небольшой поляне. Данил включил музыку — тихий, плавный вальс.

— Смотри и запоминай, показываю один раз, — сказал он, беря меня за талию. — Спину выпрями, а то ты как креветка. И вот так... шаг, два, три. Шаг, два, три.

Он пытался вести меня, но я была неуклюжей. Мои ноги заплетались, я постоянно наступала ему на ноги.

— Ты хоть слушала меня?! Я кому показываю? — вос-

кликнул он в очередной раз, когда я наступила ему на ногу. — Нога сюда, потом сюда! Ты должна чувствовать музыку, чувствовать меня! Ты просто создана, чтобы косячить.

— Это ты плохо объясняешь! Как я должна понять куда идти?!

Его раздражение было очевидным, но в его голосе, помимо злости, слышалась какая-то странная, непривычная страсть. Он пытался объяснить, показать, его руки сжимали мою талию сильнее, его дыхание касалось моего лица. А я только и спотыкалась об свои же ноги. Я ощущала себя абсолютно нелепо.

— Ещё раз, — прошипел Данил, пытаясь скрыть свое раздражение, но оно просачивалось сквозь его слова, как вода сквозь трещины. — Сосредоточься. Представь, что ты – королева, а я – твой принц. И мы кружимся в первом танце на балу.

— Да с таким принцем я далеко уйду... — после этих слов, я тут же получила подзатыльник от Дани.

Я едва могла удержать равновесие, не говоря уже о том, чтобы изображать королевское достоинство. Я снова попыталась следовать его шагам, но мои ноги, казалось, жили своей жизнью. Одна из них предательски выскользнула, и я, потеряв равновесие, начала падать.

— Боже, ты всегда падаешь на ровном месте? — вскрикнул он, успев подхватить меня буквально в последний момент. Мы оказались в неловкой позе, а его лицо было всего

в нескольких сантиметрах от моего. Я поспешила встать на дистанцию.

— А ты всегда такой тупой?

Мы снова начали танцевать. Он вел меня, и я следовала за ним, словно повинуюсь невидимой силе. Мы кружились и кружились, под луной, под звуки вальса. И с каждым оборотом я чувствовала, как моя неловкость уходит, как тело наполняется новой грацией.

— Вот видишь, — сказал он, когда музыка затихла, и мы остановились, наши тела все еще соприкасались. — Ты можешь.

— Понял?! Кто лучше кого танцует?! — я заулыбалась, гордясь собой.

— Ладно, давай чуть-чуть отдохнем и продолжим.

Мы сели на траву, и я, не в силах сопротивляться засмотрелась на бескрайнее, усыпанное бриллиантами небо. Каждая звезда казалась крошечным огоньком, пульсирующим в вечной темноте, и я чувствовала, как моя собственная жизнь, со всеми ее бурями и потрясениями, кажется такой незначительной перед лицом этого бесконечного великолепия. Данил продолжил разговор по поводу гостей на мероприятия.

Мои веки уже становились тяжелее. Слова его растворялись в наступающей тишине, а звездное небо плавно покачивалось перед глазами. Я прикрыла глаза.

Он, не заметив мое состояние, тихо произнес, его голос

был полон нежности, которая совершенно не вязалась с его обычным, несколько резким обликом:

— Луна сегодня красивая. Правда? — он повернул на меня голову, а я неосознанно положила голову на его плечо. Он подумал, что я заснула.

Он не стал меня будить. Он увидел и подумал, что я уснула, застигнутая врасплох волной усталости и покоя. Он осторожно подхватил меня на руки. Я была для него так легка, словно перышко, и он нес меня, как самое драгоценное сокровище, через сад, озаренный лишь бледным светом луны. Мне очень хотелось открыть глаза и посмотреть на его выражение лица. Какое оно? Но не могла этого сделать, уже слишком поздно. Подумает себе лишнего. Его шаги были бесшумными, словно он ступал по воде. Я чувствовала его сильные руки, его тепло.

Шрам внес меня в дом, уложил в постель, бережно укрыв одеялом. Потом, Данил, убедившись, что я «крепко сплю», еще некоторое время стоял у моей кровати. Я чувствовала, что он смотрел на мое спящее лицо. Когда он ушел, я открыла глаза и устало вздохнула. Полежав еще немного в своих мыслях, в конце концов уснула.

На следующий день, когда пришло время, я надела его. Красное платье, которое я выбрала из своего гардероба, которое было полностью куплено Данилом Сергеевичем, казалось, оживило меня. Оно облегло фигуру, подчеркивая мои изгибы, а глубокий вырез смело обнажал ключицы. Каблу-

ки, которые я едва носила, очень красиво смотрелись с моим платьем, придавая виртуозности каждому шагу. Также, Данил купил услуги визажиста. И молодая девушка красила меня дома. Макияж получился очень красивым, мягким. Я чувствовала себя преобразенной, готовой к любой роли.

Вольф же оделся по деловому стилю. Белая рубашка, идеально сидящая на его широкоплечей фигуре, черная бабочка, придающая ему элегантность, и безупречный черный пиджак – он выглядел как истинный аристократ. В его глазах, обычно полных скрытой силы, сейчас читалось предвкушение.

Мы сели в его шикарный автомобиль, и он, не говоря ни слова, уверенно повел нас по улицам ночного города. Дорога казалась бесконечной. Город окончательно сдался осени. Деревья вдоль проспектов стояли полуобнаженными, их ветки, словно тонкие пальцы, цеплялись за низкое, тяжелое небо. Золото на кленах померкло, превратившись в глубокую медь и охру, а пожухлая листва под колесами взлетала вверх маленькими вихрями, едва машина проносилась мимо. Редкие прохожие прятали носы в широкие шарфы. Октябрьская природа застыла в этом странном ожидании. И вот, наконец, мы подъехали к цели.

Здание, которое предстало перед нами, было не просто рестораном, а настоящим дворцом. Огромное, величественное, с колоннами, уходящими в темное небо, и освещенное тысячами огней, оно сияло, словно драгоценный камень, на

фоне ночного города. На парковке стояли роскошные автомобили, и из окон доносилась музыка и гул голосов – там проходило какое-то грандиозное мероприятие. Я открыла рот от таких масштабов.

— В шоке? — спросил он, глядя на меня.

— Да... — ответила я.

— Нам пора. Уже начинается, — его рука мягко легла на мою спину, направляя меня к парадному входу. Мы уже начали играть роль пары.

Войдя внутрь, мы оказались в огромном зале, наполненном людьми. Их было так много, что казалось, они заполняют все пространство. Богатые, успешные, уверенные в себе – они сверкали драгоценностями, их голоса звучали громко и уверенно.

Даня, словно рыба в воде, легко ориентировался в этой толпе. Его встречали с уважением, многие подходили, чтобы поздороваться, и он, представляя меня, произносил: «Это моя девушка». Каждый раз, когда он произносил эти слова, я чувствовала легкий трепет, смесь волнения и какого-то странного удовлетворения. Я играла роль, но эта роль начала приносить мне удовольствие. Не каждый день становишься девушкой, какого-то дорогого и красивого парня.

Нас провели к столику, где уже сидел какой-то мужчина. Его лицо было знакомым – он был одним из тех миллиардеров, чьи фотографии я видела в журналах. Он встретил нас с улыбкой, в которой читалось любопытство.

— Данил Сергеевич! Рад вас видеть! А это кто у нас? — он с интересом посмотрел на меня. — У вас с этой прекрасной дамой роман?

Да, «Война и мир». Что за вопросы вообще?

— Да. Это моя девушка, — произнес Даня, и я почувствовала, как он сжимает мою руку под столом. — Лия Риверс.

Начался разговор. Миллиардер, казалось, был по-настоящему заинтригован. Он расспрашивал нас о нашей карьере, о том, как мы познакомились, о наших планах. Данил отвечал уверенно, рассказывал о своих успехах, о проектах, а я, следуя его инструкциям, дополняла его рассказы, добавляя штрихи, которые делали нашу историю еще более убедительной.

Я чувствовала себя частью чего-то большого, важного. Мне нравилось это ощущение. И, признаться честно, мне нравилось, как Данил смотрел на меня, когда я говорила, как его глаза светились гордостью, либо же он надеялся, чтобы я ничего лишнего не ляпнула. А ведь я могу, признаю.

Ресторан наполнял гул голосов, звон бокалов и аромат изысканных блюд. Огни города, проникающие сквозь огромные окна, создавали призрачную, мерцающую атмосферу.

Внезапно, словно по волшебству, музыка изменилась. Мелодия стала плавной, нежной, вальсовой. Она разлилась по залу, окутывая гостей, заставляя их подниматься со своих мест. Юноши, галантные и уверенные, протягивали руки дамам, приглашая их на танец. Зал наполнился крутящимися

парами, словно ожившая картина.

Шрам посмотрел на меня, в его глазах читался вызов и некое предвкушение. И он протянул мне руку.

— Пойдем, Риверс, — его голос прозвучал мягко, но уверенно. — Все как учили.

Да, мы учили, но я не думаю, что я сделаю все идеально как надо. Я вложила свою руку в его ладонь. Его прикосновение было теплым, сильным, обжигающим. Мы поднялись, и в этот момент все взгляды в зале обратились к ним.

Мы встали в центр зала, и музыка подхватила нас. Данил взял меня за талию, его рука легла на её спину, притягивая ближе. Я положила свою руку ему на плечо, чувствуя тепло его пиджака. Шаг, ещё шаг. Как учили. Он двигался плавно, уверенно, словно родился с этим вальсом. Он вел меня, направляя, и я, сама того не замечая, начала подстраиваться под его ритм.

И это получалось. Удивительно, но получалось. Наши движения стали более свободными, наши шаги – более точными.

Пары вокруг замедляли свой ход, их взгляды были прикованы к ним. Я чувствовала их восхищение, их удивление. В их глазах мы были не просто актёрами, играющими роль. Мы были парой. Настоящей парой. И в этот момент, кружась в объятиях юноши, я забыла обо всём. О фальшивой игре, о том, что я вовсе не его девушка, о том, что это всё понарошку. Я забыла обо всём, кроме музыки, его рук и того, как

сильно её сердце билось в унисон с его.

Танец закончился так же внезапно, как и начался. Под аплодисменты гостей вернулись на свои места. Я была взволнована, мои щеки горели. Я посмотрела на Даню, и он, словно читая мои мысли, улыбнулся.

— Я же говорил, Лия, — тихо сказал он. — Ты способна на многое.

Однако, чем дальше, тем больше я чувствовала, как вино начинает действовать. Вино, которое я пила, чтобы снять напряжение, чтобы лучше вжиться в роль, начало играть со мной злую шутку. Я не любитель пить алкоголь, как я говорила ранее. Только сейчас возникли какие-то проблемы. Стоило мне сделать глоток – так я уже несу бред и меня не остановить. До этого пила очень редко, по праздникам.

Слова миллиардера начали звучать как-то размыто, а музыка – слишком громко. Я чувствовала, как мое сознание ускользает, а вместе с ним – и моя способность контролировать себя. Я начала говорить что-то несвязное, перескакивая с темы на тему, смешивая реальность и фантазии. Я видела, как Данил пытается меня остановить, как он бросает на меня обеспокоенные взгляды, но я уже не могла остановиться. Я говорила о звездах, о танцах под луной, о своих мечтах – о том, что совершенно не соответствовало нашей роли.

Миллиардер, казалось, был озадачен, но, к его чести, он держался с достоинством. Даня, поняв, что ситуация выходит из-под контроля, мягко прервал разговор.

— Прошу прощения, — сказал он, глядя на меня с еле заметной улыбкой, которая, однако, не могла скрыть его беспокойство. — Уже поздно. Мы, наверное, поедем.

Он пытался поднять меня, но я сопротивлялась.

— Никуда я не пойду. Отстаньте от меня, Даниил Сергеевич! О, а вы знали, что... — я говорила бессвязные вещи, смеясь и пытаюсь удержаться на ногах.

Вольф с трудом, но все же сумел меня вывести из здания и посадить в машину. Он был зол, я чувствовала это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.